

ВЕРМАХТ НА ТЕРРИТОРИИ

ИГОРЬ НЕГАТИН

ЛИШНЕЕ ЗОЛОТО
СУДЬБЫ ЦВЕТА ХАКИ

Мир «Земли лишних»

Игорь Негатин

**Лишнее золото.
Судьбы цвета хаки**

«АЛЬФА-КНИГА»

2014

Негатин И. Я.

Лишнее золото. Судьбы цвета хаки / И. Я. Негатин — «АЛЬФА-КНИГА», 2014 — (Мир «Земли лишних»)

Мир, случайно открытый учеными во время эксперимента, стал прибежищем для тех, кто счел себя лишним в Старом Свете. Легионеры и геологи, картографы и биологи... те, кто решил начать жизнь с самого начала, исследователи и воины... Их судьбы превратились в города и дороги, нанесенные на карту Нового мира. Те, кто стал легендой еще при жизни, их дороги никогда не были легкими. Вечные бродяги, которые не видели иных путей. Парни, чьи судьбы окрашены в цвета хаки.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Игорь Негатин

Лишнее золото. Судьбы цвета хаки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Поднятая ветром пыль завивалась причудливыми кольцами, как огромная змея в неистовом сакральном танце. Она хлестала землю, покрытую мелкими трещинами, будто умирляла жизнь, притаившуюся в безбрежных просторах предгорья. В быстро наступающих сумерках это выглядело пронзительно и жутко. Разноголосый вой ветра лишь усиливал безумную картину, похожую на смертельную схватку. Битву с чем-то непознанным, выходящим за пределы человеческого разума.

Огромная трехметровая ящерица, лежащая в зарослях сухой травы, подняла голову и прислушалась. К шуму ветра добавился посторонний звук – отдаленный рокот мотора. Он нарастал, отдаваясь гулким эхом от скал и перекрывая протяжный стон ветра. Натужно взревел движок, преодолевая очередной подъем, и по гранитным валунам, отбрасывая длинные черные тени, полоснул резкий свет фар. Ящерица метнулась в сторону и исчезла. Несколько секунд спустя раздался металлический скрежет, и звук резко оборвался. На пригорке, уткнувшись крылом в скалу, застыл запыленный джип, похожий на странное одноглазое существо...

Утром ящерица вернулась. Послышался шелест выгоревшей на солнце травы, и над камнями возникла широкая, слегка приплюснутая голова. Гребень из небольших, обтянутых кожей шипов начинался у основания носа и тянулся до самого затылка, превращаясь в устрашающее жабо. Она медленно влезла на камень и застыла словно изваяние, покрытое зеленоватой патиной. Спустя несколько минут ящерица вздрогнула и, шевельнув коротким хвостом, открыла пасть. Запах... Запах крови – вот что заставило ее вернуться! Медленно, часто замирая, она начала приближаться к машине.

В джипе было два человека. Один из них, в камуфляжной куртке, покрытой бурыми пятнами, был уже мертв. Судя по всему, он вел машину до последнего. Так и умер – привалившись боком к двери, продолжая сжимать в руках бесполезный руль. Позади него, на небольших, плотно набитых брезентовых мешках лежал светловолосый мужчина лет тридцати, одетый в изорванную, выгоревшую под солнцем ветровку. Он хрипло дышал, уставившись остекленевшим взглядом в разбитое боковое стекло. Наступил полдень, когда рядом с машиной мелькнула тень. Жизнь научила ящерицу осторожности, но чувство голода сильнее страха. Хорошо знакомый запах крови... Значит, внутри есть мясо. А если там мясо, значит, его можно и нужно съесть. Мужчина с трудом повернул голову, и последнее, что он успел сделать в жизни – это прошептать: «Тварь...»

Поселение, расположенное неподалеку от горного перевала, носило гордое имя Аламо. Нет, это не тот знаменитый американский городок в южном Техасе, который прославился сражением между поселенцами и мексиканской армией. Это другой город – затерявшийся под чужим небом, в иных широтах, на выжженной палящим солнцем земле. Горячий ветер покрывал дома пылью, будто старался приглушить краски, чуждые этому миру. Все было засыпано

этим красноватым налетом, отчего город выглядел гораздо старше, словно на этих стенах оседал пепел прошлых веков. Пыль старит. Как морщины на человеческом лице.

Небольшой двухэтажный дом, находящийся на центральной улице городка, ничем не отличался от других. Разве что поблекшей вывеской «Sam's Gun Store», висящей на фасаде. Приветливо звякнул дверной колокольчик, и на залитую солнцем улицу вышел коренастый сорокалетний мужчина. Прищурившись, он посмотрел в конец улицы, где в широкие ворота промзоны, рыча моторами, втягивались машины. Конвой...

Среди железа, окрашенного в привычный защитный цвет, выделялся один джип, оставившийся в стороне от каравана. «Сузуки Самурай», песчаной масти, с нарисованным на капоте бурым медведем. Зверь хитро щурился, протягивая зрителям мощную лапу, на которой лежал винтовочный патрон. Чуть ниже – короткая надпись: «Побежишь – умрешь уставшим!» Из джипа, сдергивая с лица платок, выпрыгнул молодой парень. Голубоглазый, русоволосый, лет двадцати – двадцати пяти. Крепкого телосложения, он сам напоминал этого сильного зверя. Кряжист и нетороплив, даже передвигался очень похоже – мягко, слегка вразвалку, словно таежный хозяин в малиннике. Мужчина осмотрелся и направился к одной из машин, где с привычными слуху матерками командовал офицер с капитанскими звездами на погонах.

– Товарищ капитан!..

– погоди, Никита, – оборвал его собеседник и, повернувшись к машинам, крикнул: – Старлей, не разводи бардак! Как первый раз замужем, блин!

Затем он повернулся к парню и усмехнулся:

– Ну что, отпускник, дальше один поедешь?

– Так рядом же, товарищ капитан, – улыбнулся Никита. – Два часа – и дома...

– Ну, смотри, Никита, осторожнее. Ладно, хорошего отпуска! Бате – большой привет.

– Обязательно...

Мужчины попрощались, и парень отправился дальше. Проехав по центральной улице, свернул направо и затормозил у здания с красноречивой надписью «Saloon». Здесь хорошо кормили, а уж стейки подавали такой величины, что уйти голодным было невозможно. Даже для самого большого любителя поесть! Примерно через час он вышел на улицу и, тяжело отдуваясь, забрался в машину.

– Обжоры аламовские! – сказал Никита и повернул ключ зажигания.

Дизель привычно заурчал, словно не вовремя разбуженный кот, и джип мягко тронулся с места. Выехав за пределы городка, мужчина переложил на соседнее сиденье «калашника» и взял курс на северо-запад, вдоль реки Рио-Гранде. На севере виднелся горный перевал – постоянный источник опасности для местных жителей и путешественников. Именно оттуда приходили банды, промышлявшие на дорогах. Когда машины шли караваном, под конвоем военных, то риск сводился к минимуму, а вот одиноким путникам зевать не следовало – можно и без головы остаться. Иногда, под настроение, разбавленное хорошей порцией виски, старожилы Аламо любят рассказывать, как город несколько суток отбивался от бандитов. Отбились, конечно, но с какими потерями...

Вырвавшись на простор, Никита натянул на лицо платок и прибавил скорость. Звук мотора спугнул стадо антилоп, пасущихся неподалеку. Задрав головы, украшенные круто изогнутыми рогами, животные рванули в сторону и исчезли в клубах пыли. Водитель проводил их глазами и усмехнулся – хороший обед убегает! Обед, а заодно и ужин. Но какая тут охота, если после аламовских разносолов и сидеть трудно...

Через несколько часов Никита сделал небольшую остановку. Дом его отца находился совсем рядом. Еще несколько километров – и на берегу реки появится хозяйство, которое местные жители называют Шато Нардин. Небольшой каменный дом, окна забраны декоративными (но довольно крепкими) решетками. На заднем дворе – несколько подсобных построек и колодец, облицованный гранитными валунами. Нечто похожее Никита видел в книгах своей

подружки. Там такой стиль назывался испанским колониальным. Парень бросил задумчивый взгляд на окрестности и покачал головой – он собирался провести свой отпуск в Рио, но перед самым отъездом отец прислал телеграмму, чтобы сын обязательно приехал. Здоровье у родителя было крепкое, и подозревать что-нибудь нехорошее причин не имелось. Спустя полчаса Никита был дома. Отец, встретивший его на пороге, находился в добром здравии. После холодных (на посторонний взгляд) приветствий они прошли в дом, где был накрыт стол.

– Проголодался в дороге? – покосился отец.

– Да нет... Не очень...

– Значит, мой руки – и за стол...

– Лучше переешь, чем недоспать, – вздохнул Никита и пошел в ванную. – Отец, я привез тебе несколько бутылок вина из Виго. На мой взгляд, неплохое.

– Разве это вино? – пробурчал мужчина. – Кислятина. Эта земля не способна вырастить виноград, пригодный для хорошего вина. Она слишком скупа на подарки.

– Бурчишь, как удалившийся на пенсию винодел, – вытирая руки полотенцем, улыбнулся парень. – Мол, раньше и девки были сговорчивее, и вино благороднее...

– Среди наших предков не было виноградарей, только военные. И не путай винодела с виноградарем. Между этими двумя ремеслами, большая разница.

– Судя по результату, не очень большая. Разве наши предки из Бордоле? Помнится, ты мне рассказывал только про Париж.

– Люди, носящие фамилию Нардин, – жуткие непоседы, – усмехнулся мужчина, – и твой характер – прекрасное тому доказательство.

– Я знаю...

– Значит, выслушаешь еще раз, не переломишься. Мог бы и чаще приезжать.

– Отец, ты же знаешь – служба!

– Знаю, Никита, знаю...

– Немцов тебе привет передавал.

– Владимир? Тоже хорош; мог бы и заглянуть к старику.

– Тебе пятьдесят лет – и ты считаешь себя стариком? – улыбнулся Никита.

– По опыту прожитых лет я старше вас обоих, вместе взятых, – пробурчал отец. – Ладно, приехал – и хорошо. Рассказывай, что в мире нового? Абреки не шалят?

– Есть немного. В открытую не рискуют, но по мелочи паскудничают.

– А эти, мать их... благодетели?

– Отец, почему ты так орденских не любишь? Они, конечно, козлы, но ты их просто на дух не переносишь!

– Есть за что... Демидовск так и держат на половинчатом пайке?

– Ничего нового, – пожал плечами Никита, – в отряде поговаривают, что некоторые товары мы заказываем через посредников. Орден почувствовал силу, и вполне понятно, что хочет ее ограничить. Даже через Москву пробовали надавить, но наши быстро разобрались и послали центр куда подальше. В общем – все как всегда.

– Как всегда, говоришь... – Мужчина прищурился, провел рукой по шраму на подбородке и задумчиво продолжил: – Ну что же, может, и пора... Слушай, Никита, отпуск мы проведем не здесь. Я тебя не зря телеграммой вытащил. Понимаю, что в твоём возрасте интереснее отплясывать на карнавалах в Рио, чем слушать байки старого отшельника. Есть одно дело, которое хочу закончить. Пока не одряхлел...

Вечером, после сытного ужина, они уселись на веранде, освещенной несколькими лампами. На небольшом столике стояла бутылка красного вина, привезенного Никитой, и тарелка с нарезанным сыром. В противомоскитную сетку бились привлеченные светом насекомые. Где-то в темноте хрипела большая гиена. Мир жил своей обычной жизнью.

– Какое дело, отец?

– Не торопи события, сынок. Это долгая история...
– Разве мы куда-нибудь торопимся?
– Сегодня – нет, – покачал головой отец, – а вот завтра времени на разговоры не останется. Нас ждет небольшая прогулка на юго-запад.
– В сторону Демидовска?
– Нет, еще дальше. В горы.
– Отец, там рядом Джохар-Юрт...
– Мы пойдем не напрямую, а через Сао-Бернабеу. Затем от Рио спустимся вниз по побережью.

– Ты задумал опасное дело, – нахмурился парень. – Нас только двое...
– Не опаснее, чем жить. Тем более, – усмехнулся его отец, – что завтра нас будет трое.
– Трое? – переспросил Никита. – Кто третий?
– Один мой старый друг. Ты знаешь, – мужчина попробовал вино, посмотрел на бокал и удивленно хмыкнул, – что в этот мир я попал еще в пятом году. Это тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год по летоисчислению Старого Света. В те времена людей здесь было мало. Четыреста с лишним тысяч жителей. Большинство из них жило в районе Виго, Нью-Портсмута и Порто-Франко. Даже Вако еще не было. На его месте был форт с небольшим гарнизоном. Его называли Западным или «Последним приветом». Самая крайняя точка Нового мира. Именно здесь, на границе этого форпоста, начинались дикие земли, где не ступала нога человека. Не было ни Демидовска, ни Аламо. На побережье, там, где сейчас расположился форт Линкольн, стояло несколько рыбацких хижин. Люди собирались в небольшие группы и на свой страх и риск отправлялись на запад. Словно в Старом мире, когда осваивали Америку. Многие из них умирали от лихорадки, погибали в стычках с бандитами или становились кормом для местной фауны. Но, кроме отправки переселенцев, были организованы и несколько научных экспедиций. «Для изучения Нового мира», – как любили говорить люди Ордена.

– А с кем же был ты? – неожиданно спросил Никита.

– Я, – усмехнулся отец, – был сам по себе.

– А мама?

– Мама... – запнулся мужчина, – Лена была со мной. Всегда...

Они немного помолчали. Никита почти не помнил своей матери – она погибла, когда ему было около двух лет. Так она для него и осталась светлым образом на нескольких чудом сохранившихся фотографиях. Когда подошло время учиться, Нардин-старший собрал вещи, посадил ребенка в машину и отправился в Порто-Франко. В 1993 году это был единственный город со школой и интернатом. Чуть позже они переехали в Аламо. Два года тому назад, когда Никите исполнилось восемнадцать, он, посоветовавшись с отцом, отправился в Демидовск и поступил на службу в Русскую Армию. Отец построил этот дом и зажил неторопливой жизнью отшельника. Иногда к нему приезжали городские охотники, для которых он организовывал охоту на антилоп, навевались знакомые из Демидовска. Обычная, ничем не примечательная жизнь. Возможно, кто-то назовет ее скучной. Может, это и так...

– Папа, все это я слышал и раньше, – нарушил затянувшуюся паузу Никита, – но ты никогда не рассказывал мне одну историю.

– Какую?

– Почему ты решился прийти в этот мир?

– Почему? – переспросил отец. Он немного помолчал, провел рукой по лицу и задумчиво повторил: – Почему...

1988 год. Кальви, Корсика. База

Иностранного легиона. Второй парашютно-десантный полк

Плотный мужчина с четырьмя майорскими полосками на погонах встал из-за стола и подошел к стоящему посередине кабинета мужчине.

– Поль, мне чертовски жаль, что так получилось, но ты же понимаешь...

– Так точно! Я все понимаю, mon commandant!¹

– Это сокращение, задуманное в Париже. – Майор покачал головой и поморщился. – Мне кажется, что они поторопились.

– Мне тоже так кажется, но ничего не поделаешь – приказ есть приказ.

– Нам будет тебя не хватать, Поль Нардин...

Поль Нардин – это я. Да, именно так, с ударением на второй слог. Мне тридцать четыре года, и при росте метр семьдесят пять во мне около восьмидесяти пяти килограммов. Причем смею вас уверить, что ни одного грамма не приходится на жир. Я смугл и черноволос, хотя седина уже серебрится на коротко подстриженных висках. Глаза темно-зеленые, привычно прищуренные, как это бывает у европейцев, которые много времени провели в жарком климате. Что еще? Худощавое скуластое лицо и шрам «образца 1978 года» на подбородке – память о майской переделке в Заире. Сейчас я нахожусь в городке Кальви, на Корсике. Это родина Христофора Колумба, место, где адмирал Нельсон остался без глаза, и база нашего Второго парашютно-десантного полка. В отставку выхожу в звании сержант-шефа. За плечами – три контракта и пятнадцать лет выслуги, по которой я имею право на персональную пенсию. Она не велика, но с голоду не умру. Надо заметить, что третий контракт отработал не полностью. Мне оставался целый год, но увы – это не моя вина. В Париже, после бурных и продолжительных дебатов, все же приняли решение о сокращении Иностранного легиона. Причина? Она банальна, как все политические ошибки. «Слишком дорого для Франции!» Ну что же: может быть, и так. Слишком дорого... Как бы там ни было, но француженки не стоят напротив министерства обороны с гневными плакатами, требующими вернуть своих сыновей домой из какой-нибудь африканской «задницы». В опасных местах отдуваемся мы – легионеры. Забыв про эту «мелочь», сокращение прошло железной щеткой по нашим рядам. Сегодня, с опозданием в месяц, пришел приказ и мне. «Увольнение по причине сокращения». Отныне Поль Нардин предоставлен сам себе. В конце концов, майор прав – я еще достаточно молод, чтобы заняться чем-то иным, кроме как восстанавливать «конституционный порядок» где-нибудь в Африке или Южной Америке. Не я первый, не я последний...

Через месяц я вернулся в Париж, где родился и вырос. Навестил мать. Она постарела. В ее некогда черных, как вороново крыло, волосах появились серебряные пряди. Моя вина... Мы, скажу честно, мало общались. Вскоре после смерти моего отца, в 1971 году, у нее появилась новая семья. С отчимом, служащим нотариальной конторы, мы, как говорится, не сошлись характерами. Он считал меня слишком наглым, а я его – слишком большой сволочью. В канун моего восемнадцатилетия мы крепко повздорили. Этот жирный придурок позволил себе сказать резкость про моего покойного отца. Секунду спустя он неожиданно упал, причем так неловко, что сломал себе челюсть. Прискорбный случай сказался лишь на его аппетите (несколько недель он питался через трубочку), но наших отношений не улучшил. Не скажу, что меня это сильно расстроило. В результате всего этого в 1973 году, после получения степени терминаля², я отказался продолжать учебу и завербовался в Иностраннный легион. Про службу рассказывать не буду. Если вас это интересует по долгу службы, то все подробно описано в моем личном деле. Там найдется все, начиная от учебной базы в Кастельнодари.

Еще мгновение – и я вижу ворота кладбища Сен-Женевьев-де-Буа, в сорока километрах от Парижа. Чуть левее православной церкви Успения Божией Матери – несколько дорогих для меня могил. Здесь похоронены мой отец, дед и даже прадед. Нет, фамилия Нардин – не

¹ Мой майор (*фр.*) – уставное обращение к старшим по званию.

² Терминаль – бакалавр.

русская. Предки были французами, которые после Французской революции уехали в Россию. После 1917 года они вернулись обратно. Если сказать точнее, то вернулся мой прадед с семьей. Круг путешествий «русских французов» (как называли нашу семью соседи) замкнулся. Пятнадцать лет спустя я возвращаюсь к своим истокам, оставив в прошлом бесшабашного юношу, который любил жизнь. Мечты развеялись прахом, а прошлое иногда приходит по ночам. Оно садится у изголовья и тарашит свои мертвые глаза в пустоту. Хотя нет, это другое прошлое. То, что заставляет просыпаться в холодном поту, когда вижу черно-белую кровь и погибших друзей. Странно, но мои сны никогда не бывают цветными. Может, это и к лучшему? Отгоняю от себя эти видения, просиживая до рассвета у окна, выходящего на тихую парижскую улочку, но они не уходят. В комнате прохладно, по стеклу стекают капли дождя, а я кожей ощущаю африканскую жару и слышу звуки очередной войны. Войны, о которой забыли спустя несколько месяцев после того, как отгремели последние выстрелы. Для меня это воспоминания с привкусом горечи и боли. Для других – еще одна точка на карте мира, где схлестнулись интересы политиков и дельцов. И конечно, еще одна подходящая тема для журналистов, чтобы привлечь аудиторию телевизионных каналов и продажных бульварных листков.

Подходящей работы на родине не нашлось. Были несколько предложений, но я, немного подумав, отказался. Слишком тонкая грань между криминалом и честным бизнесом. Вы можете не верить, но даже у наемников есть определенный кодекс чести. Так бы, наверное, и мучился, как это часто случается с легионерами, которые не смогли найти свое место в мирной жизни. На мое счастье (или несчастье, не знаю), из полка мне переслали письмо от моего старого приятеля Джузеппе Марино. Человека, с которым я дружу больше десяти лет. Бок о бок мы участвовали во всех переделках, где принимал участие наш Второй парашютно-десантный полк. Вместе с ним штурмовали отель «Импала» в Кольвези и глотали пыль в Африке. Старина Пеппино³ после того, как три года назад ушел в отставку, уехал в Америку, где поселился в маленьком городишке Флоресвилл, неподалеку от Сан-Антонио. Первое время он работал телохранителем у одного техасца, занимавшегося нефтяным бизнесом, а потом женился на худенькой гречанке по имени Ия и устроился в частную охранную фирму. Купил в кредит небольшой домик и живет, наслаждаясь сомнительными прелестями тихой семейной жизни. Как я понял из нескольких скупых строк, клиентов у его конторы немного. Обслуживают небольшую корпорацию, которая трясется над своими секретами, как курица над первым яйцом, и денег на охрану не жалеет. По словам Джузеппе, работа не пыльная (он уже отрастил небольшое брюшко и привык к телевизору по вечерам). Согласен – это лучше, чем устанавливать порядок в очередной банановой республике, которая не поспешила прогнуться перед нашими толстосумами. Почему бы и мне не попробовать пожить спокойной и размеренной жизнью? Ожирение мне не грозит – в нашем роду отродясь толстяков не было.

Воскресная прогулка по парижским улочкам хорошего настроения не прибавила. Нет, я не расист, но увольте меня от сомнительного удовольствия лицезреть засилье иностранцев во Франции! Станный взгляд для легионера, скажете вы? Да, может быть, и так, но будем *arreleg un chat un chat*⁴, есть разница между наемником, рискующим своей шкурой, и пришлым бездельником, сидящим на шее налогоплательщиков. Помяните мое слово – пройдет лет двадцать, и эти приезжие будут жестко диктовать свои правила нашим пышнотелым и обленившимся рантье. История знает множество примеров, когда чужаки низвергали целые империи в бездну хаоса и запустения. Так будет и с Францией, дайте им только время.

Америка... Не скажу, что меня привлекает эта страна, но выбирать не приходится. Тем более что Техас – наверное, единственное место в этой стране, где люди еще не заражены

³ Пеппино – производное от имени Джузеппе.

⁴ называть кошку кошкой (*фр.*).

новомодным словом «толерантность». Где до сих пор гордятся своими сыновьями, служащими в морской пехоте, и презрительно кривят губы при виде женоподобных мужчин.

Не откладывая дела в дальний ящик, поздно вечером я созвонился с Джузеппе. Связь была не ахти какой, но даже расстояние не смогло приглушить его радостные вопли.

– Медведь! Рад тебя слышать, дьявол тебя раздери!

Медведь – это я. Точнее, это прозвище, которым меня окрестили в Легионе. И «крестным отцом» был именно Пеппино. В одной африканской дыре, куда нас отправила Франция, ему попала в руки изодранная книга без обложки. Читать он не любил, но чего не сделаешь от скуки? Вот он и вычитал о происхождении некоторых имен. Выяснилось, что Нардин – это усеченная форма от итальянского имени Бернарден, с германскими корнями. «Храбрый медведь». Не знаю, но мне не нравится затасканное выражение «храбрость». Хуже него только «мужественность». Вслушайтесь в истеричное «он мужественно терпел...».

Так и тянет пустить слезу, глядя на очередного обрюзгшего страдальца, томно взирающего на мир. Мужчина никогда не терпит, не выносит и не страдает. Он действует. Действует и борется – даже тогда, когда весь свет восстает против него.

– Привет, Джузеппе! Слышал, что ты стал большим любителем пива и гамбургеров?

– Как бы не так, Поль. Стараюсь держать себя в форме.

– Ну-ну... Бегаешь по утрам? Или для этого ты женился на гречанке? – усмехнулся я. – Понимаю: *mieux vaut tard que jamais*⁵. Может, из тебя еще и выйдет приличный человек. Хотя, вспомнив несколько амурных историй...

– Оставь свои грязные намеки, сержант!

– Упаси меня бог, Пеппино!

– Ия говорит, что она позаботится и о твоей холостой судьбе. У нее на примете есть одна приличная девушка, так что скучать не будешь...

– Гречанка?

– Конечно! Ее кузина. Девушке пора замуж, и...

– Ах вот как! – засмеялся я. – Тогда начинаю подумывать о том, чтобы отказаться от этой рискованной поездки. Вспомни слова Эрюлена!

– Разве наш полковник что-то имел против женщин?

– Нет, но он сравнивал женатого человека со взведенной гранатой...

– Не переживай, Медведь! Вспомни, что наемники не умирают.

– Да, конечно. Они спускаются в ад, для перегруппировки. Что там с работой, Пеппино?

– Тоска смертная, – вздохнул он. – Правда, есть одно интересное предложение, но это не телефонный разговор. Обсудим при встрече.

– Надеюсь, ничего противозаконного?

– *Lascia stare, Orso! Tutto andrà bene!*⁶

Поговорив еще несколько минут, я прояснил некоторые вопросы о предстоящей работе. Как говорил Джузеппе, их основным клиентом является небольшая корпорация. Охрана обеспечивает неприкосновенность ее территории, а точнее – научного центра. Учитывая, что в городе расположен форт Сэм-Хьюстон – а это один из крупнейших сухопутных военно-медицинских центров, – ничего удивительного, что служба безопасности скучает без дела. Недолго думая (и сверившись с расписанием полетов) я сообщил Джузеппе дату своего прибытия. Выслушал очередную порцию криков и даже улыбнулся. Приятно, черт меня побери, когда тебя ждут! Жизнь меня этим не баловала.

Прямого рейса в эту дыру, естественно, не было, поэтому летел с пересадкой, через Нью-Йорк. Вещей, учитывая мою кочевую жизнь, было немного. Все уместилось в одну небольшую

⁵ лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

⁶ Не волнуйся, Медведь! Все будет хорошо! (*ит.*)

сумку. Пачка армейских фотографий и несколько наград, полученных за время службы. Заглянул в ювелирный магазинчик, выбрал (пусть и с опозданием) свадебный подарок для жены Джузеппе и уже через два дня покинул Францию. Впервые – как гражданское лицо...

1988 год. Флоресвилль, Сан-Антонио, штат Техас

Прилетев на место, Пеппино среди встречающих в аэропорту не обнаружил. Сказать, что я удивился, – это значит вообще промолчать. Несмотря на свое происхождение, Джузеппе отличался небывалой для итальянца пунктуальностью и педантичностью. Телефон тоже не отвечал, и добираться мне пришлось самому. Была мысль задержаться в Сан-Антонио на денек-другой, чтобы осмотреть знаменитую миссию Аламо, но, рассудив, что это удовольствие от меня не убежит, отправился к Марино домой. До Флоресвиля было около тридцати миль по хорошей живописной дороге (сельские пейзажи и нефтяные вышки), и меньше чем через час я уже подходил к дому итальянца.

Можно сказать, что успел вовремя...

Вовремя, чтобы присутствовать на похоронах Джузеппе Марино. Ровно за трое суток до моего приезда он погиб на дежурстве. Глупый несчастный случай. Хотя смерть редко бывает умной и своевременной. Она – из тех гостей, кто не спрашивает о наших планах на завтрашний вечер. Последующие несколько дней, как это любят писать в романах, выпали из моей памяти. Нет, я не впечатлительная дамочка, чтобы впадать в истерику при виде трупа, но рыдающие женщины вызывают неприятные воспоминания. К тому же вид напояженного и ухоженного мертвеца, лежащего в аккуратном гробу, вызывает ощущение чего-то искусственного. Видно, я привык к другим ее образам, в которых нет «театральности смерти», как любил говорить один мой знакомый.

Прошло два дня. Однажды утром я сидел на веранде с банкой пива (дьявол раздери это американское пойло!) и подумывал о том, что пора подыскать себе новое жилье. Не могу же я вечно пользоваться гостеприимством человека, которого практически не знаю. Жена, а точнее – вдова Джузеппе, полагаю, думала то же. Так бы я и уехал со спокойной совестью, если бы не одна реплика, брошенная во время завтрака.

– Это все из-за Нового мира... – тихо сказала Ия и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

– Нового мира? – непонимающе переспросил я.

Она не ответила и вышла из кухни. Через несколько минут собралась и уехала по каким-то делам в Сан-Антонио. Не бежать же за ней и спрашивать, что она имела в виду?! Захочет – сама расскажет. Но фраза в голову запала. Что это за Новый мир? Не люблю я пышные названия. Сразу появляются нехорошие ассоциации. Новый мир – новые люди... Очередные «избранные»? Дьявол меня раздери, во что умудрился впутаться Джузеппе?!

Когда Ия вернулась домой, я усадил ее за обеденный стол и сел напротив.

– Рассказывай.

– Что я должна вам рассказать, Поль? – нервно спросила она.

– Про Новый мир и как это связано со смертью Джузеппе.

– Я ничего не знаю, – пряча глаза, сказала Ия.

– Ты уверена?

– Да...

– Пеппино был моим другом. И я хочу выяснить, что произошло.

– Не надо, – покачала головой Ия. – Лучше не надо...

– Как знаешь, – подвел я итог и на следующий день перебрался в Сан-Антонио.

Остановился в небольшой гостинице неподалеку от набережной. Не самое плохое место, чтобы затеряться в этом городе. Хотя скажу честно – прятаться не входило в мои планы. Адрес корпорации, которую охранял Марино, я знал. Спросил у вдовы. Не стану утверждать, что она была рада этому вопросу, но адрес сообщила. Центр располагался на окраине Сан-Антонио, в

стороне от туристических маршрутов и военных баз. Несколько ангаров и новомодное административное здание, блестящее зеркальными окнами, как елочная игрушка.

Для того чтобы получить информацию об охраняемом объекте, не обязательно брать его штурмом. Не надо взрывать ворота и делать подкопы. Оставьте это удовольствие суперменам из шпионских фильмов. Достаточно присмотреться к людям, которые там работают. Где они отдыхают, где развлекаются. Мне хватило трех дней, чтобы вычленив из общей массы несколько человек. Один из них засиживался в баре, находящемся неподалеку. Пил пиво, катал шары в пул и флиртовал с пухленькой официанткой. Познакомиться с ним не составило большого труда. Особенно после того, как я проиграл ему несколько партий. Выставил на стойку бара свой проигрыш, равный пяти бокалам пива, и мы разговорились. Я представился французским туристом, благо этих бездельников хватало с избытком. Надо отдать должное головастику из исследовательского центра – собеседником он оказался интересным. Рассказал некоторые занятные факты из истории города, начиная от высадки испанцев в 1691 году и заканчивая историей о штурме Аламо в 1836-м. Даже про нож Боуи рассказал. Знание американской истории не входит в число моих достоинств, но этот знаменитый нож видеть доводилось. Как это связано с Аламо? Самым тесным образом. Оказывается, его «создатель», полковник Джеймс Боуи, был одним из тех, кто возглавил оборону этой крепости. Кстати, нож хоть и считается его изобретением, таковым не является. Авторство принадлежит другому человеку, простому кузнецу по имени Джеймс Блэк, так что очередная американская легенда оказалась с небольшой червоточиной. Впрочем, как и большинство легенд.

От историй мы плавно перешли к фильмам. Обсудили недавнюю премьеру фильма «Последнее искушение Христа» и разошлись, договорившись встретиться завтра, чтобы устроить матч-реванш. Нет, я не задавал ему вопросов о работе. Так, несколько «нечаянных» оговорок и вскользь брошенных фраз, сказанных с одной целью – посмотреть на его реакцию. Я не пытался выяснить, чем он занимается на своем рабочем месте, и пропуск из кармана тоже не крал. Всему свое время.

Следующим вечером мой собеседник не появился. Честно прождав час, я допил пиво и вышел на улицу. Теплый летний вечер... Жара уже спала, в воздухе висел аромат цветов, смешиваясь с запахом нагретого за день асфальта. У входа в бар меня ждали. Два человека, чей внешний вид навевал мысли о близнецах. Нет, двойняшками они не были, но если судить по одежде, пользовались услугами одного портного. Причем пошиты костюмы со знанием дела – оружие под пиджаками было практически не заметно.

– Вам не жарко, ребята? – усмехнулся я.

– С вами хотят поговорить, – сказал один из них и, сделав небольшую паузу, кивнул на машину, – но не здесь.

– А с чего вы взяли, что я захочу с вами разговаривать?

– Думаю, нам не стоит ссориться, мистер Нардин. Дело в том, что мы хотели бы внести некоторую ясность в ситуацию, которая сложилась после смерти вашего друга.

– Джузеппе?

– Именно, – кивнул мой собеседник.

– Вы из полиции?

– Нет.

– Почему я должен вам верить?

Он пожал плечами и не ответил. Глядя на эти лишенные выражения лица, я задумался. Сдается, что вчерашний партнер по бильярду оказался не таким дураком и все же сбегал в службу безопасности, чтобы рассказать о странной фразе, сказанной туристом-французом. Ну что же, я на это и рассчитывал. А может, и не он, а жена Джузеппе. Кто знает...

– Едем, – кивнул я и направился к машине.

Поездка оказалась недолгой – меня привезли к воротам, за которыми возвышалась стеклянная коробка центра. Прошли через главный вход, миновали охранника, сидящего перед мониторами, и поднялись в лифте на десятый этаж. Пеппино был прав – на охране здесь не сэкономили. Камеры слежения имелись в каждом коридоре, а в холле их было штуки четыре, не меньше.

Меня привели в небольшой кабинет, похожий на комнату для переговоров, и оставили в одиночестве. На небольшом столике лежали несколько иллюстрированных журналов и рекламных проспектов. Ну что же: это лучше, чем рассматривать несуществующие трещины на потолке...

Прошло минут десять, и в комнату вошел мужчина. Лет пятидесяти, русоволосый. В хорошей физической форме. Эдакий образчик стареющего плейбоя в шикарной обертке. Хорошие зубы, которые он продемонстрировал своей безликой (исключительно американской) улыбкой. Не знаю почему, но я сразу представил его с теннисной ракеткой в руках. Или с клюшкой для гольфа. За плечами, наверное, Гарвардский университет и целая галерея родовитых предков с «Мэйфлауэра»⁷.

Что еще? Отлично пошитый серый костюм, тщательно завязанный галстук.

– Добрый вечер, мистер Нардин, – он протянул мне руку, – меня зовут Патрик Бэлл.

Пожалуй, я не буду описывать первые минуты разговора. Как, впрочем, и его рассказ о смерти бедняги Джузеппе. Это и правда несчастный случай. Видеозапись – прекрасное доказательство, и причин сомневаться в ее подлинности у меня не было.

– Дело в том, – начал мужчина, – что нашей корпорации нужны люди, похожие на вас.

– Чем похожие?

– Прошлым, складом характера и образом жизни.

– Прошло меньше месяца, как я вышел в отставку, – усмехнулся я, – и образ жизни еще не сформировался.

– Вот именно, Поль, – кивнул он, – меньше месяца... Может быть, чашку чая? Кофе? Виски? – спохватился он.

– Нет, благодарю вас, – покачал головой я.

Если пиво у них можно назвать бурдой, то кофе готовят такой, что его и бурдой назвать сложно. Хотя нет, найдется и для него название. Пойло, иначе не скажешь. Наверное, только в Америке кофе заваривают в большом кофейнике и держат горячим весь день. Им и в голову не приходит, что можно сварить свежий.

– Скажите, а вам не скучно? – неожиданно спросил Патрик.

– У вас есть способ меня развеселить?

– Нет, – покачал головой он, – но работа, которую я хотел бы вам предложить, скучать не даст.

– Если это не противоречит закону.

– Вы так щепетильны? Это странно для...

– Наемника, хотели сказать? – закончил фразу я.

– Нет, что вы, – Патрик выставил перед собой белые, ухоженные ладони, – я не хотел вас обидеть. Я всегда уважал профессионалов. В любой области. Смею вас уверить, что все, чем занимается наша корпорация, абсолютно законно.

– Это радует.

– Скажите, – он сделал небольшую паузу, – вы верите в иные миры?

– Во что? – не понял я.

– В существование иных миров.

⁷ «Мэйфлауэр» – английский рыболовный трехмачтовый барк, доставивший в 1620 году первых английских переселенцев в Америку.

- Вы серьезно?
- Абсолютно.
- Если за это хорошо платят, то почему бы и не поверить.
- Понимаю вашу иронию, Поль, но дело здесь вот в чем...

1988 год. Исследовательский центр.

Сан-Антонио, штат Техас

Дальнейший наш разговор (а точнее, монолог моего визави) можно было принять за бред сумасшедшего. Можно, но я не принял. В Африке мне доводилось сталкиваться с такими вещами, по сравнению с которыми сказанное Патриком похоже на безобидный анекдот о монашке. Ладно, о прошлом – в следующий раз... По словам мистера Бэлла, восемь лет назад, примерно в середине 1980 года, был открыт новый мир. Да, именно так. Как это часто бывает, небольшая группа ученых искала одно, а нашла совсем другое. Причем это «другое» оказалось ни много ни мало, а проходом в неведомый мир. Куда именно – на другую планету или в параллельную реальность, они (как я это понял) и сами до сих пор не знают. В результате исследований удалось выяснить, что по ту сторону находится пригодная для человека среда обитания. Ученые, по моему мнению, всегда были не от мира сего, но эти превзошли самих себя. Мало того что не спешили поделиться открытием со своими коллегами – они даже спецслужбы забыли уведомить. Оставили, так сказать, в блаженном неведении. Надо отдать им должное – смелые, черти!

Как рассказал мне Патрик, после трех лет экспериментов с помощью разнообразных зондов и подопытных животных ученые наконец рискнули отправить туда человека (нашелся один волонтер из группы). *Un dur á cuire*⁸, ничего не скажешь! Решиться на такой эксперимент – это надо иметь стальные нервы. Тем более что возврата оттуда нет – проход односторонний. Да, вы не ослышались. Войти можно, а вот вернуться обратно не получается. На мой взгляд, ученым повезло – кто знает, что оттуда могло бы вылезти! Двухсторонняя радиосвязь, пусть и слабая, присутствует, но не более того. Немного позже, когда для дальнейших исследований понадобились деньги (и немалые), нашлись люди, готовые их финансировать. Они-то и предложили ученым попробовать заселить этот мир людьми. Добровольцами, «в которых не умер здоровый дух авантюризма».

– Патрик, а вы не боитесь рассказывать мне такие вещи? – спросил я. – Ведь я еще не дал согласие на сотрудничество.

– А чего нам бояться, Поль? Что вы побежите в ФБР или ЦРУ и начнете им рассказывать про неизведанный мир? – Он усмехнулся. – Вы хотя бы примерно представляете, сколько людей обращается с такого рода заявлениями?

– Логично... И зачем вам я?

– Видите ли, Поль... Дело в том, что переселенцы – это обычные люди. Они приходят в Новый мир, чтобы жить. Если вам будет угодно – начать свою жизнь заново. С чистого листа. У них нет никаких обязательств перед нашей организацией.

– Если позволите, у меня еще один вопрос.

– Да, конечно...

– Что это за организация?

– Мы называем ее Орденом. Организация ученых, открывших проход в Новый мир, и первых переселенцев. Она преследует целью населить этот мир как можно большим количеством людей и старается, по мере своих возможностей, облегчить процесс становления новой цивилизации.

⁸ Слишком жесткое, чтобы варить, – аналог русского «крепкий орешек» (фр. фразеолог.).

– Звучит красиво, – я пристально посмотрел ему в глаза, – но скажу честно, даже слишком красиво. Согласен, что цель прекрасная, но «назовите мне какое-нибудь самое чистое и выдающееся деяние, и я берусь обнаружить в нем, с полным правдоподобием, полсотни порочных намерений»...

– Вы знакомы с работами Монтеня? – удивился Патрик.

– Довелось.

– Вы интересный человек, Поль... Скажу честно: если бы не рекомендация Джузеппе и не проверка по нашим собственным каналам во Франции, то я подумал бы, что вы не тот, за кого себя выдаете.

– Даже так?

– Именно так, – кивнул он. – Честно признаюсь, что перед тем, как дать свое согласие на ваш приезд, мы получили полную информацию о вашей персоне.

– Это заметно. Вы не задаете мне никаких вопросов.

Патрик развел руками – мол, что поделаешь, если работа такая. Шустрые ребята. Шустрые и с хорошими связями. Чтобы получить информацию о некоторых операциях, в которых мне довелось участвовать, надо обладать очень хорошими связями.

– Но вы ошибаетесь, – он вернулся к разговору так, словно реплик о моей персоне и не было, – Новый мир осваивается без всяких «порочных» намерений. Скорее наоборот. Если вам будет угодно – это последняя надежда человечества.

– Надежда на что?

– Не исчезнуть, Поль! Не сгинуть с лица Земли. Думаю, вы и сами не раз задумывались, что мир становится хуже.

– С этим трудно не согласиться.

– Все эти ядерные испытания, – поморщился Бэлл, – и прочие ошибки человека могут привести мир к глобальной катастрофе. Земля напоминает пороховую бочку с тлеющим фитилем. В один прекрасный день все может рухнуть. Если это, не дай бог, конечно, произойдет – Новый мир станет единственным шансом на спасение.

«И золотым дном для Ордена, – подумал я. – Кто из богатеев пожалеет средств, чтобы спасти своих близких от неминуемой смерти?» Подумал, но вслух, естественно, не сказал. Будем считать, что для начала цель «спасителей человечества» ясна...

– Но ученым нужна информация уже сейчас, – продолжил рассказ Патрик. – Информация о мире. Полезные ископаемые, его флора и фауна. Только после получения этих данных мы можем составить план освоения Новой Земли. На данном этапе сведений крайне мало, и подчас они противоречат друг другу. Вы же понимаете, что человеку свойственно приукрашивать действительность. Что уж греха таить – многие из переселенцев этим грешат. Истории, которые они рассказывают небольшой группе ученых, расположенной на одной из наших баз, часто далеки от действительности. Нам нужна реальная картина Нового мира.

– А что: кроме этой небольшой группы ученых, их коллеги переселяться не спешат? Что так? Не хотят начать жизнь сначала?

– С этим проблем нет. Среди сотрудников центра добровольцев хватает. Большинство готовы переселиться хоть завтра. Вы же понимаете, какой интерес у них вызывает этот мир. Проблема в том, что экспедиции необходимо охранять. От животных и, что уж греха таить, от бандитов.

– Бандитов?! Вы что, запустили в Новый мир преступников?

– Мы не можем проверить прошлое всех переселенцев. Приходится признать, как это ни прискорбно, что бандиты там уже существуют. Даже у некоторых вполне законопослушных граждан сносило крышу. Не знаю – то ли от новых ощущений, то ли от отсутствия привычных нашему миру ограничений.

– Одним словом, вашим головастикам нужна охрана.

– Именно так. Если быть предельно точным – нужна квалифицированная охрана экспедиций. Охрана поселений и баз у нас есть.

– Вы предлагаете мне заняться созданием охранной структуры или должность простого охранника?

– Думаю, что у нас будет возможность это обсудить.

– Скажите, Патрик, там сейчас много переселенцев? В этом... – я хмыкнул, – Новом мире?

– На данный момент – около трехсот восьмидесяти тысяч.

– Немало...

– Да, – согласился он, – динамика роста – неплохая.

– Они расположены в одном месте или разбросаны по территории?

– На территории Новой Земли уже возникло несколько небольших городов, где и сосредоточена основная масса переселенцев. Конечно, многие из них пытались проникнуть дальше обжитых мест, но с ними нет связи. Вполне допускаю, что некоторые из них выжили и закрепились на новом месте.

– Все переселенцы – из Америки?

– Нет, не только. Наши эмиссары неплохо потрудились в Европе.

– У вас есть центры в Европе?

– Для первой беседы – улыбнулся Патрик, – вы очень любопытны, Польш.

– Вы же сами сказали, – я вернул ему улыбку, – что ничем не рискуете, рассказывая мне эту фантастическую историю. Допустим, что мы с вами обсуждаем некий гипотетический мир.

– Bravo, Польш! Мы меня убедили! – Бэлл хлопнул себя по колену и расхохотался. – Среди переселенцев есть англичане, немцы, французы и итальянцы. Даже русские; правда, их совсем немного, около десяти тысяч. Как правило, это люди из эмигрантов.

– Те, кто вырвался из-за железного занавеса, – улыбнулся я, – вдохнул воздух свободы и разочаровался?

– У вас странный взгляд на мир.

– Скорее – наоборот; это трезвый взгляд на ситуацию.

– Вы патриот России?

– Увольте меня от этих шаблонов, Патрик! Патриот, демократ, свобода... Вы меня еще в коммунисты запишите!

– Может, я и повторяюсь, но вы – необычный человек, Польш...

– Но вам такие и нужны, не правда ли? Реально смотрящие на вещи и обстоятельства. Способные принимать решения и брать на себя ответственность за жизнь других людей.

– Да, пожалуй, вы правы, – кивнул Патрик.

– В последнее время возник дефицит этого материала, иначе вы не стали бы искать сотрудников по всему миру. Скажите, Джузеппе собирался в Новый мир?

– Да, – он опять кивнул, – вместе со своей женой. Он должен был осуществить переход через неделю. Ждал вас.

– У меня несколько вопросов. Во-первых – оплата. Во-вторых – хотелось бы узнать побольше о климате, болезнях, средствах связи, местных ресурсах и снабжении колонистов. Организация экспедиций и их примерный состав. Мои полномочия как человека, отвечающего за безопасность экспедиции, и структура управления в целом.

– Как я понял, вы согласны?

– Если сойдемся в цене.

– Вы мне нравитесь, Польш, – расхохотался Патрик, – ей-богу, в вас что-то есть! В вашем роду, насколько мне известно, бизнесменов не было, но разговор вы строите как умелый менеджер. Забрасываете меня вопросами, а сами каждый раз норовите увильнуть от ответа.

Хорошо, пусть будет так. Что касается ваших вопросов, – он сразу посерьезнел, – то на них ответит другой человек. Вас устроит время встречи: завтра утром, часов в десять?

– Конечно.

– В таком случае, – он встал и протянул мне руку, – до встречи, мистер Нардин! Если вы не возражаете, вас проводят. По вечерам на улицах Сан-Антонио небезопасно.

21 год по летоисчислению Нового мира.

К северо-западу от Аламо, Шато Нардин

Поль Нардин бросил в большую чашку несколько ложек коричневого сахара и покосился в сторону закрытой двери.

– Спит еще, – усмехнулся он, – в этом возрасте всегда хорошо спят. Это позже, когда тебе вот-вот стукнет пятьдесят, начинаешь страдать бессонницей, словно пытаешься ухватить за хвост прошлое. Будущее превращается в настоящее, а мечты осыпаются, как осенние листья в Венсенском лесу.

На кухне пахло свежесваренным кофе, в приоткрытое окно, забранное мелкой сеткой, вливался свежий запах трав – пряный букет прерий и ветра. Да, у ветра тоже есть свой особый аромат. Неповторимый аромат простора и свободы. Людям, живущим в городах, не понять этой прелести – они привыкли к стенам и барьерам, за которыми прячутся от мира. От мира, от людей и от самих себя...

Стукнула дверь, и на пороге появился заспанный, взъерошенный Никита.

– Доброе утро, отец! – пробурчал он, натягивая футболку.

– Доброе. Завтракать будешь?

– А как же!

– Садись за стол.

– Угу, – Никита схватил горячий гренок и чертыхнулся: – Горячий!

– Я же сказал – садись за стол...

– Смотри, – парень бросил взгляд в окно, – кто-то едет.

– Вижу, – кивнул Поль и, прищурившись, посмотрел вдаль.

– Третий участник нашей поездки?

– Да, – подтвердил отец и, поставив чашку на стол, вышел во двор.

Через несколько минут во двор въехал внедорожник – потрепанный, но заботливо ухоженный «Лендровер Дефендер», окрашенный в непонятный темный цвет. Указать точный оттенок было делом нелегким – машину покрывал густой слой рыжей пыли. Из джипа выбрался невысокий мужчина лет сорока пяти. Округлое смуглое лицо, аккуратный ежик седых волос и небольшая борода. Добавьте к этому в меру упитанное брюшко – и перед вами портрет алжирца, выходца из окрестностей Орана. Оливковая форма, немного похожая на американскую времен Вьетнамской войны, высокие берцы и черно-белая куфия, замотанная вокруг шеи. На бедре, в тактической кобуре – итальянская Beretta 92FS. Не самый лучший выбор для использования в пустыне, но это дело личной симпатии.

– Здравствуй, Карим! Как доехал?

– Почти без приключений.

– Ты все такой же, – Поль улыбнулся. – Иначе не можешь?

– Не поверишь, Медведь! Иногда тихо живу.

– И что? Разве плохо?

– Нет, неплохо. Но такая тоска берет...

– Что сразу во что-нибудь впутываешься, – закончил фразу Поль. – Столько лет прошло, а ты совершенно не изменился. Все такой же задира, как и раньше...

– Иначе жить скучно. Мир начинает закисать, как молоко для курута⁹. Не поверишь – как твою телеграмму получил, то словно десять лет сбросил.

– Уже и здесь скучно, Карим?! Тебе трудно угодить...

– Я просто старею, Поль! Когда твои кости чувствуют непогоду лучше, чем барометр, то поневоле станешь брюзгой.

– Рад тебя видеть, старый бродяга!

– Я тоже рад, Медведь...

Через час мужчины собрались на первом этаже. Несколько уставленных книгами шкафов, массивный письменный стол. На полу, отливая рыжим цветом, раскинулся ковер, сшитый из звериных шкур. На одной из стен висела большая карта Нового мира, выпущенная, если верить надписям, в 15-м году – вот, пожалуй, и все убранство. *Ne quid nimis*¹⁰, как говорили древние. Судя по всему, разговор был серьезным. Задумчивый Никита устроился на подоконнике, Поль – в кресле, стоявшем перед погашенным камином, а Карим безостановочно мерил шагами комнату.

– Черт побери, Поль, – он остановился на середине комнаты, – ты представляешь, что будет, если про это узнает Орден?

– Представляю, – пожал плечами Нардин. – Они попытаются нас перехватить.

– Да, всего лишь, – развел руками алжирец, – перехватить... Как бы не так! Да они всех собак на нас спустят!

– Тебе не нравится моя идея?

– Нет, идея хорошая, ничего не скажу. Мне давно хотелось насолить этим напыщенным хлыщам. Но скажи мне – как?!

– Как я молчал все эти годы?

– И это тоже...

– В этом нет ничего удивительного, Карим. Я просто наблюдал за развитием событий. То, что я вижу сейчас, мне определенно не нравится. Есть в этом нечто неправильное. Конечно, часть информации уже обесценилась, но...

– Осталось что-то очень важное?

– Да, – кивнул Поль, – главный приз.

– Ты уверен, что это существует в единственном экземпляре?

– Полагаю, что так. Все, кто про это знал, – погибли.

– Да, помню. Из той группы уцелели только мы. Аламовская заварушка?

– Именно так.

– Черт, – Карим весело прищурился, яростно потер бороду и рассмеялся, – напоминает авантюру, но мне она нравится! Так насолить Ордену! Учítывая, что сейчас творится в нашем мире...

– Время покажет, – спокойно отозвался Нардин, – для начала надо добраться. Надеюсь, ты готов к этой прогулке?

– Медведь, – укоризненно сказал Карим, – я ведь не пешком к тебе пришел! У дома стоит моя старая развалина, и, клянусь Аллахом, там найдется все, что может пригодиться мужчине в дальней дороге. Там есть все, кроме женщин. Но ведь мы поедем через Рио? А там, если мне память не изменяет, с этим никогда проблем не было.

– Понял, – Нардин поднял ладони вверх, – вопросов нет. Что насчет моей просьбы?

– Завтра в двенадцать часов люди будут здесь. Это мой младший брат.

– Значит, на этом и порешим.

⁹ Курут – засушенные шарики из творога.

¹⁰ Ничего лишнего (*лат.*).

– Вы как хотите, – алжирец хлопнул себя по животу, – а я собираюсь пообедать. Желющие есть?

– Если ты приготовишь, то я, пожалуй, согласен что-нибудь погрызть.

– Уговорили, – усмехнулся Карим и, подмигнув Никите, отправился на кухню.

Поль бросил взгляд на сына. Тот задумчиво смотрел в окно, словно не решаясь задать мучивший его вопрос.

– Тебя что-то тревожит, Никита?

– Папа, мне кажется, ты немного неправ.

– В чем?

– Я согласен, что информация практически бесценна, но почему ты не хочешь попросить поддержки у нашей армии? Почему ты не поговоришь с Немцовым, наконец? Вы же приятели!

– Видишь ли, Никита, – Поль немного помолчал, – пойми меня правильно. Когда эта информация окажется на Базе Русской Армии, что-нибудь изменить будет невозможно. Победителей, как известно, не судят. Да, будут попытки прижать Демидовск. Будут, но слабые. А теперь представь на минуту, что нас взяли на обратной дороге и в этой «прогулке» участвовал их бывший сотрудник безопасности с русскими военными. Орден такого им никогда не простит.

– Не понимаю... Я тоже солдат Русской Армии.

– Во-первых, ты мой сын. Во-вторых, ты сейчас в отпуске. Вправе ездить, куда тебе вздумается.

– Уверен, что так будет лучше?

– Будем предельно откровенны – эта информация по праву принадлежит Ордену. Можно сказать, что я не просто утаил, а украл. Поэтому, пока она не окажется в Демидовске, лучше армию не впутывать.

– Пожалуй, что убедил, – Никита провел рукой по волосам, – так будет лучше. Опаснее, но лучше. Когда выступаем?

– Завтра. В полдень сюда прибудет младший брат Карима с семьей. Они поживут здесь, пока мы будем в отлучке. Да, кстати, Никита: какое при тебе оружие?

– Как всегда, – задумчиво ответил он, – АК-103 с подствольником, «Гюрза», два десятка гранат и цинк патронов. Ну и так, по мелочи. Я же не думал, что на войну поедем...

– Мы едем не воевать, – наставительно поднял указательный палец Нардин, – а тихо изъять одну вещь. Тихо прийти и тихо уйти. И желательно обойтись без стрельбы. Что касается оружия – загляни в арсенал, подбери, что считаешь нужным.

– Хорошо, папа...

В поездку решили отправиться на одной машине, и джип Карима прекрасно подходил для этой цели. Вечером, когда все необходимые вещи были уже собраны и упакованы, мужчины собрались на веранде. Алжирец рассказал несколько новостей «большого мира», как он называл крупные города на побережье, и о новых переселенцах, прибывших в Кадиз из Порто-Франко.

– ...И вот входит в мою лавку одна из новеньких. Вся такая, – он поставил бокал с вином на стол и руками показал весьма аппетитные формы новоприбывшей, – как молодая пальмочка. Осматривает прилавок, морщит свой очаровательный носик и спрашивает: «Скажите, а у вас есть в продаже талисманы?» Я немного оторопел – уже десять лет лавку держу, а таких товаров никто никогда не спрашивал! Делать нечего, нельзя клиента отказом обидеть! «Да, – говорю, – конечно, есть. Хорошие амулеты, сам каждый день ношу!» – Смотрю, девушка порозовела, щечки зарумянились: «Ах, мне тоже такие нужны! И много амулетов вы при себе носите?» Я честно отвечаю: «Пятнадцать штук». Она глазками захлопала и спрашивает: «Как же они называются?»

– И что вы ей ответили? – засмеялся Никита.

– Правду сказал, – развел руки в сторону Карим. – «Девять на девятнадцать, мадам!»

Поль лишь усмехнулся. Эту историю про амулеты калибра 9х19 Luger он слышал уже раз десять, и каждый торговец клялся, что она произошла именно в его магазине. Разве что внешний вид покупательницы менялся. В зависимости от вкуса продавца, конечно. Правду говорят: не приукрасишь – не расскажешь. Когда Никита ушел в свою комнату, Карим проводил его взглядом и повернулся к Полю.

– Он очень похож на Элен. Смотрю – и вижу ту испуганную девчонку в предгорьях Вако...

– Да, – сухо кивнул Нардин, – похож.

– Ты так ему ничего и не рассказал?

– Придет время – узнает...

– Может быть, ты и прав, – согласился его собеседник.

– Идем отдыхать, Карим. – Поль отбросил сигарету и поднялся. – Завтра в дорогу.

1988 год. Исследовательский центр.

Сан-Антонио, штат Техас

На следующее утро эти безликие ребята ждали меня в холле. Вчера, надо отдать им должное, они проводили меня до самых дверей гостиницы. Я бросил взгляд на часы – без четверти десять. Как раз успеем – ехать до центра минут десять, не больше.

– Как выспались, мальчики? Кошмары не мучили?

Один из встречающих хмуро покосился в мою сторону и дернул щекой. Нервные они какие-то, охранники эти. Хотя мне-то что? Обойдусь без дружеских улыбок. Молча уселись в машину и уже через семь минут въехали на территорию центра. В холле меня поджидал Патрик.

– Рад вас видеть! Мне кажется, что вы заинтересовались моим предложением...

– Заинтересовался. Хотелось бы узнать, что предложите взамен, – я щелкнул пальцами, – в подтверждение ваших намерений.

– Браво, Поль! Вы поступаете по-американски – сразу к делу. Пожалуй, это правильно. Ну что же, обсудим наши предложения и ваши возможности. Чудес не обещаю, но думаю, вам понравится.

– Вы уверены?

– Поль, мы предлагаем не так уж мало – Новый мир...

Не буду описывать наш разговор с мсье Бэллом. И боже меня упаси загружать вас сухими подробностями, которыми полны подобные контракты. Достойн упоминания лишь один факт – количество походов. По договору я имею право оставить службу не раньше чем после трех экспедиций.

– Да, Поль, – уточнил Патрик, – не меньше трех.

– Что после этого?

– Вы сможете перейти на другую службу в Ордене или уйти, как говорят военные, в запас. Может быть, откроете свое дело – для энергичных людей всегда найдется достойное занятие. Налоги в Новом мире небольшие, около пятнадцати процентов от прибыли. Если потребуется начальный капитал, банк Ордена предоставит вам кредит. Поверьте, мы заботимся о наших сотрудниках!

Кстати, о банковской системе – банки в Новом мире есть, куда же без них. Точнее, только один – банк Ордена. Есть и своя валюта – экую, равная двенадцати франкам¹¹. Жалованье выплачивается каждые две недели, есть небольшие надбавки за время, проведенное в экспедициях, и премии за уничтоженных бандитов.

– Даже так? – удивился я.

¹¹ Курс в 1988 году – 5,96 франка за один доллар.

– Увы, – Бэлл развел руками, – пришлось применить эту систему. За каждого убитого бандита сотрудник получает около двухсот экую. Надо заметить, что гражданский получает больше – пятьсот экую. Премии не выплачиваются, если вы защищали Базы Ордена и, конечно, в экспедициях.

– Почему же?

– Защищать Орден – это ваша обязанность.

– Какая несправедливость, – расхохотался я, – по отношению к сотрудникам!

– Это ограничение – вынужденная мера. Были случаи, когда ваши коллеги так увлеклись «охотой», что забывали о своих обязанностях. Никто не запрещает этим заниматься, – он сделал небольшую паузу, – в свободное от работы время.

– Значит, есть и охотники за головами?

– Да, есть несколько небольших групп.

– А кто защищает поселения колонистов, находящиеся в стороне от баз?

– Сами поселенцы.

Надо отдать должное – отправляя человека на «тот свет», мои новые работодатели были благожелательны и предупредительны. Даже с пенсией Легиона дело решили – она будет перечисляться на мой банковский счет в Новом мире. Мелочь, но приятно. По крайней мере, смерть от голода не грозит. Будь что будет – я пододвинул к себе документы и поставил размашистую подпись.

– Поль Нардин, – Патрик встал и протянул мне руку, – добро пожаловать в Орден! Мне кажется, мы с вами прекрасно потрудимся на благо человечества.

Звучит, конечно, напыщенно, но американцы любят все блестящее. Как дети, право слово. «Хотя этим грешат многие армии мира», – подумал я, вспомнив девиз Легиона: «*Legio patria nostra!*» («Легион – наше отечество!»). Для полной картины не хватало только старого седого сержанта, который проводит меня в Новый мир, смахивая скупую мужскую слезу и бормоча неизменное: «Мы надеемся на тебя, сынок!»

После того как документы были подписаны, Бэлл объявил, что с этого момента я нахожусь на службе. Если принять во внимание, что жалованье начисляется с момента подписания контракта, то меня такие порядки вполне устраивают. Следующим пунктом был медицинский осмотр. Приятная медичка лет тридцати и старый очкастый брюзга, которого Патрик, как мне показалось, слегка побаивается. По крайней мере, со стариком-эскулапом он вел себя очень почтительно. Ничего плохого в моем организме не нашли, если не считать нескольких нелицеприятных шрамов на бедре, полученных в «сухой гильотине», как мы называли Французскую Гвиану. Медичка сделала несколько прививок, подарила одну стандартную улыбку, и мы откланялись.

После медиков отправились в арсенал. Начинать дело с выбора оружия – на мой взгляд, это правильно. Конечно, экипировка тоже важна, но выбор личного оружия – это нечто священное. Можно сказать – интимное. Дело, не терпящее спешки и суеты.

– Вы можете выбрать все, что вам необходимо.

– Все? – уточнил я.

– В разумных пределах, разумеется.

– Своевременное замечание. Я уж нацелился опустошить ваши запасы.

– Мы уже имели дело с вашими коллегами. Один из них чуть весь арсенал не вынес.

– В Новом мире с этим проблемы?

– Нет, – ответил Патрик, – проблем с этими железками нет. Присутствуют, так сказать, в должном количестве. Но после нескольких случаев мы решили предоставить сотрудникам право выбора амуниции. Согласитесь, гораздо проще отправлять человека полностью подготовленным, чем получать от него длинные отчеты, заполненные по большей части запросами на дополнительную экипировку. Экономия времени и средств.

– Разумно, – кивнул я.

В Легионе мне довелось пострелять из многих образцов, которыми богат оружейный мир. Не скажу, что я прекрасный стрелок, но в цель попадаю. Как говорил наш инструктор, даже обезьяну можно научить курить, но сделать из человека снайпера – невозможно. Можно научить стрелять, можно научить целиться, но снайпером, хорошим снайпером, надо родиться.

Патрик познакомил меня с оружейником и откланялся. Видно, не раз сопровождал моих коллег и представлял, что за этим последует. В таких местах мужчины могут провести не один час. Забегая вперед, замечу, что здесь я и провел остаток первого «рабочего» дня.

Оружейника звали Майкл Беннет. Невысокий мужчина лет сорока, похожий на Фрэнка Синатру. Он провел меня по узкому коридору и открыл тяжелую дверь в хранилище. Ничего нового – аккуратные штабеля ящиков и привычный запах оружейного масла. Посередине – широкий стол и несколько стульев.

– Вы француз? – спросил он.

– Да.

– В таком случае могу предложить Famas. – Оружейник гордо задрал голову, словно эта штурмовая винтовка была его изобретением.

– Благодарю, но обойдусь без этого «шедевра» инженерной мысли.

Понимаю, что он хотел сделать приятное для гражданина Франции, но увольте меня от этого удовольствия! Штурмовая винтовка Famas-F1, о которой он упомянул, – это стандартное вооружение Иностранного легиона. Поступила к нам на вооружение в конце семидесятых годов, сменив устаревшую MAS 49/56. Выглядела новая винтовка, конечно, получше, в руках лежала удобнее, но боже упаси воевать с ней в пустыне! Попадавший в затворную группу песок приводил к тому, что она часто заедала. При транспортировке на затвор надевался специальный чехол, предохраняющий от пыли, но это мало помогало.

– Правильно, – кивнул оружейник, – хотите что-нибудь из американского оружия? Могу посоветовать M16A2.

– Американское... – я немного задумался, – скажите, а советское оружие есть?

– Советское?

– Да, – кивнул я, – «калашников».

– Какого калибра?

– Семь шестьдесят два.

– Есть АКМН, – поджал губы оружейник.

– Вот и прекрасно. Покажите, будьте добры...

Через несколько минут он положил на стол глухо стукнувший брезентовый сверток.

– Ваш «калашников», сэр...

– Магазины?

– Три в комплекте, сэр. Этого добра у нас навалом, если вы хотите...

– Добавьте еще штук семь. Тем более, как я понял, русское оружие у вас не в почете.

– Гуки¹² оставили на память, сэр, – он засучил рукав куртки и продемонстрировал длинный шрам на предплечье, – поэтому воспоминания не самые лучшие.

– Вьетнам?

– Да, сэр! – он ухмыльнулся. – «Туннельные крысы»¹³, сэр.

– Из пистолетов что можете предложить?

– Пистолет или револьвер, сэр?

– Пистолет. M1911-A1.

¹² Гуки – от *англ.* Gook – презрительное прозвище азиатов. Вошло в обиход во времена войны в Корее.

¹³ Туннельные крысы – от *англ.* tunnel rats – неофициальное название подразделений США, созданных для действий в подземных туннелях во время войны во Вьетнаме.

- Прекрасный выбор, сэр. – Наконец-то на его лице появилась улыбка.
 - Что с патронами и гранатами?
 - Это вы получите на той стороне, там с этим проблем нет. Здесь – только на стрельбище, если вы захотите пристрелять свое оружие. Мы можем туда отправиться завтра утром, сэр.
 - Конечно. Да, кстати! Скажите, сколько единиц оружия я могу выбрать?
 - Две, – для пущей убедительности он показал два пальца, – две – и ни стволом больше!
- Вы можете взять еще, но цену высчитают из вашего жалованья, сэр...
- Тогда принесите еще снайперскую винтовку.
 - Тоже советскую?
 - Нет, – покачал головой я, – семисотый «ремингтон».
 - А пистолет?
 - За пистолет я заплачу. Он мне нравится.

Мужчина довольно хмыкнул и ушел в глубину комнаты. Видно, выбор двух американских моделей примирил его с моей симпатией к советскому оружию. После того как все отобранное оружие улеглось на стол, мы приступили к выбору оптического прицела и прочих необходимых на «том свете» вещей.

1988 год. Исследовательский центр.

Сан-Антонио, штат Техас

Вам знакомо чувство, когда после долгих раздумий вы принимаете решение, которое раз и навсегда изменит жизнь? Тогда вы меня прекрасно поймете. Это сродни первым ночным прыжкам с парашютом. Стоите на краю черной бездны, а затем делаете шаг в темноту, зная, что обратного хода не будет.

Подписав контракт, я словно сбросил с плеч тяжелую ношу. Груз неопределенности, который не отпускал с того момента, как я вышел за ворота Легиона. Многие отставники поймут мое состояние. Ты не знаешь, что ждет впереди, и вообще – эта гражданская жизнь пугает. Там свои непонятные правила, свои игроки и замены. Игра, в которой ты не участвовал добрую часть своей жизни.

Наверное, поэтому, приняв предложение Ордена, я прекрасно выспался и уже в шесть часов утра был готов к работе. За мной заехал Майкл, и все время до полудня мы провели на стрельбище, которое находилось в десяти милях от Сан-Антонио. Пристреляли «калашников», опробовали «ремингтон» и «купленный» пистолет. Вполне. По крайней мере, оружейник не кривил губы, как при первой встрече. После стрельбы, когда мы уселись под навесом и принялись за чистку оружия, он, сбив широкополую шляпу на затылок, задумался.

- Что-то не так? Прекрасные машинки.
- Нет, все о'кей, сэр. Рад, что вам понравилось, – Майкл кивнул. – Вспомнил, что у меня есть небольшой подарок для вас.
- Подарок?
- Точнее сказать, небольшое дополнение для этой русской машинки. Подствольник «джи-пи двадцать пять», сэр. Думаю, мистер Бэлл не будет возражать, что я раздаю оружие направо и налево. Тем более что вы отказались от бронежилета.

От бронежилета я и правда отказался. Никогда не видел в нем особого смысла. Не думаю, что в Новом мире часто используют пистолеты. Там калибры другие, которые не каждый жилет выдержит, а таскать в рейде лишний вес – избавьте меня от этого удовольствия; лучше лишняя пачка патронов в рюкзаке.

- А гранаты?
- Для подствольника? На той стороне есть. Отправляем каждый месяц, сэр. Многие ваши коллеги выбрали русское оружие, так что с боеприпасами проблем не будет.
- Можно один вопрос, Майкл?

– Если вы не потребуете невозможного, сэр, – снова кивнул он.

– Почему вы не отправляетесь в Новый мир?

– Как вам сказать, сэр, – он перекатил во рту табачную жвачку и задумался. – Здесь у меня есть все, что нужно. Дом, хорошая зарплата, жена, двое прелестных ребятишек и бейсбол. Я не готов менять свои привычки, сэр...

– Понимаю...

– И я вас понимаю, сэр. Мне приходилось видеть ваших ребят в деле – они дрались как черти. Но ваши глаза... Их не спрячешь...

– Что вы имеете в виду?

– У многих моих друзей был похожий взгляд, сэр. Они вернулись живыми, но душа, как говорит наш пастор, осталась во Вьетнаме. «Клистирные трубки» называют это PTSD¹⁴, но я считаю, что дело в другом.

– В чем же?

– Видите ли, – Майкл наклонился и сплюнул себе под ноги, – на сто мальчиков всегда найдется десяток таких, которым не сидится на месте. Им лень играть в Микки Мауса¹⁵, карабкаясь по грязной карьерной лестнице. Из таких получаются хорошие солдаты, сэр, но в мирной жизни им нет места. Не обижайтесь, но вы из таких, сэр...

Когда мы вернулись в центр, охранник, сидящий у двери, сказал, что меня просил зайти мистер Бэлл. Оружейник понимающе кивнул, забрал у меня сумку с оружием, и я отправился к лифту.

– Готовитесь? – поприветствовал меня Патрик. Как всегда, с застывшей улыбкой на лице.

– Не люблю тратить время попусту.

– Похвальное рвение, похвальное. Присаживайтесь, – он кивнул на стул, – у меня есть небольшая просьба или, скорее, предложение.

– Надеюсь, вы, – я вспомнил выражение Майкла и усмехнулся, – не потребуете невозможного.

– Нет, что вы, – он поднял руки, – ничего особенного. Во время нашей первой встречи вы правильно подметили, что в этом мире дефицит людей из «настоящего материала». Таких, которые нам необходимы. Мы подумали, что среди ваших друзей найдутся несколько человек, которые будут полезны Ордену. Как вы на это смотрите?

– Как вам сказать, – я немного помолчал, – есть одна проблема...

Да, я мог назвать несколько человек, для которых Новый мир станет прекрасным шансом начать жизнь сначала. А проблема, о которой я подумал, проста. Недоверие. Жизнь приучила проверять каждую мелочь на своей шкуре, прежде чем давать советы другим. С другой стороны – когда увижу потусторонний мир, связаться с друзьями уже не будет возможности.

– Я вас понимаю, – кивнул Патрик, – не доверяете?

– Есть немного. Дело в том, что сейчас я рискую только своей жизнью. Не хотелось бы подставлять друзей, окажись в этом какой-то подвох. Но выход есть.

– Какой же? – оживился мой собеседник.

– Как вы говорили, радиосвязь с Новым миром – двухсторонняя. Поэтому сделаем так – я напишу несколько писем, которые положу в банковскую ячейку. Если все окажется так, как мне описали, я сообщу код доступа. Вам останется только доставить письма по адресу и ждать гостей.

– Прекрасная идея, Поль. Кстати, до вашего перехода осталось два дня. Вы готовы?

– Да, готов.

¹⁴ PTSD (*англ.* post-traumatic stress disorder) – посттравматический психоз, «вьетнамский синдром».

¹⁵ Играть в Микки Мауса (*сленг*) – заниматься ерундой.

– Тогда не буду вас больше задерживать. Если вы хотите посмотреть, как осуществляется переход, – вас проводят в машинный зал. Познакомьтесь с Густавом – это наш оператор.

– С удовольствием...

Когда я впервые увидел установку, то недоверчиво покачал головой. Не похоже на транспорт, способный перемещать людей в иные миры. Скорее, это железнодорожная дрезина, за каким-то дьяволом поставленная на постамент. В передней части платформы, перпендикулярно основанию – железная рама, сделанная из толстых труб. Эдакий квадрат размером примерно два на два метра. По периметру – небольшие коробочки, величиной с сигаретную пачку. С левой стороны – несколько железных ящиков, к которым подведены толстые жгуты кабеля. Вдоль помоста – обычные рельсы, на которые поставлена тележка. На ней – четыре пластиковых кресла ярко-желтого цвета, вроде тех, которые установлены на стадионах, но дополненные ремнями безопасности. Задняя часть – грузовая платформа, огороженная невысоким бордюром, сделанным из труб. Просто и без затей.

– Не впечатлило? – спросил Густав. – Ожидали увидеть нечто похожее на космический корабль?

– Признаться – да.

Если сказать больше, то и на месте Густава предпочел бы увидеть кого-нибудь постарше. Ему было лет двадцать пять, но выглядел он так, словно никогда не вылезал из ночных клубов, застряв на уровне развития восемнадцатилетнего. Совершенно не похож на человека, способного отправить тебя на «тот свет». Истертые до дыр джинсы, потрепанная футболка с изображением Джона Леннона и несуразные кеды с вечно незавязанными шнурками.

– Все гораздо проще, – ухмыльнулся он.

– Куда уж проще...

– Главное, что работает. Кстати, через полчаса будет переселяться одна семья из Канады. Если интересно посмотреть на процесс – оставайтесь. Тем более что вы такой же сотрудник Ордена, как и я. Только наблюдать будем из операторской.

Через полчаса в зал прибыли переселенцы в сопровождении двух охранников. Мужчина лет тридцати, его жена и ребенок – очаровательная девчушка лет девяти-десяти. Женщина немного нервничала, комкала в руках платок и постоянно озиралась вокруг, словно ожидала увидеть дверь в преисподнюю. Ее муж, судя по его побелевшему лицу, чувствовал себя не лучше. Только дочка была в превосходном настроении – скакала вокруг мамы, дергала за рукав отца, словно пришла в парк аттракционов и ждала начала развлечений. Кстати, Густав это учел. Для начала он подарил девочке большого плюшевого зайца, а потом отвел в сторону ее отца. Тот внимательно выслушал, несколько раз понимающе кивнул и позвал жену. Как оказалось – детям, чтобы избежать неприятностей и смягчить стресс, делают инъекцию снотворного. Логично: мало ли что придет в голову ребенку, усаженному на эту тележку...

После небольших уговоров девочку усадили на пластиковое сиденье и ввели лекарство. Спустя несколько минут она уже сладко спала, пристегнутая к креслу вместе с подаренным зайцем. Родители заняли место на платформе, и к ним забрался оператор. Он что-то долго объяснял, подтверждая свои слова резкими жестами. По-моему, я в нем ошибся – когда он занимался делом, вся наигранная веселость куда-то улетучилась, и остался профессионал, твердо знающий свою работу. Приятно. Я всегда любил иметь дело с профессионалами.

– Идем в операторскую, – Густав кивнул на небольшую будку, стоящую в углу зала.

– Это займет много времени?

– Нет, – покачал головой он, – минут десять, не больше.

В операторской уже сидели сопровождавшие семью охранники. Один из них, лениво развалившись на стуле, листал журнал, а другой открыто зевал, подпирая стенку спиной. Для них переселение в другой мир – это каждодневная рутина, не вызывающая никакого интереса. После каких-то манипуляций, когда над платформой загорелся красный свет, Густав посмотрел

рел на переселенцев и подбадривающе кивнул, подняв вверх большой палец. Прошло, наверное, около минуты, прежде чем красный свет сменился на желтый. Следом, почти без паузы, вспыхнул зеленый, и раздался резкий свист, перемешиваясь с завываниями сирены. Проход озарился несколькими вспышками, и на месте рамы возникло мерцающее зеркало. Платформа дернулась и начала свое медленное движение вперед. Прямо туда, в зазеркалье. Вот в зеркале скрылась ее передняя часть, и тут раздался женский крик. Женщина вдруг резко дернулась в сторону, стараясь расстегнуть держащие ее ремни. Даже стены операторской не смогли заглушить ее пронзительный визг. Вдруг что-то ярко вспыхнуло, и по глазам ударил резкий свет. От неожиданности я отшатнулся от стекла, ожидая, что оно сейчас разлетится мелкими осколками.

Раздался громкий хлопок, похожий на звук лопнувшего колеса; стекло жалобно задрожало, но выдержало. Еще один хлопок – и оно окрасилось красными брызгами...

– Что это было? – выдавил я из себя.

Густав не ответил. Выругавшись, он рванул какой-то переключатель на пульте управления и выскочил из комнаты. Ничего не оставалось, как последовать за ним. Правда, помощь уже не требовалась. Да и кому там помогать, если переселенцы превратились в фарш. Именно на это и было похоже. Не знаю, что там произошло, но выглядело удручающе. Похоже на результат минометного обстрела, разве что установка не пострадала. Один из сотрудников службы безопасности, выскочивший вслед за мной, увидел эту картину и, привалившись к стенке, избавился от завтрака. А может, и от обеда, я не рассматривал. От людей почти ничего не осталось. Большая часть была разбросана мелкими фрагментами по платформе, размазана по стенам и стеклу кабины оператора.

1988 год. Исследовательский центр.

Сан-Антонио, штат Техас

Происшествие вызвало в центре большой переполох. По крайней мере, всех находившихся на тот момент в зале допрашивали по нескольку раз. Нет, не полиция, откуда ей здесь взяться? Служба внутренней безопасности. Раз за разом мы описывали происходившее в тот злосчастный день. Сначала пришлось рассказать, а потом еще и написать. Два раза. С небольшим перерывом на обед. Кстати, надо отдать должное – хорошо ребята работают, с толком. Напомнило наше «гестапо»¹⁶: даже то, что забыл, и то вспомнишь. После того как нас отпустили, Патрик предложил мне обратиться к психологу, работающему в центре. Этого мне еще не хватало – чтобы какой-то парень, не видевший в жизни ничего страшнее фильма ужасов, пытался меня спасти от якобы полученного стресса!

Проведенная проверка показала, что никаких технических сбоев не было. Увы, но обычный нервный срыв привел именно к такому результату. Точно не скажу, я далек от такой техники, но, по словам Густава, женщина сама виновата. Она, можно сказать, была одной ногой на той стороне – и неожиданно передумала. В итоге ее просто разорвало между мирами, зацепив и людей, находившихся рядом...

Через три дня я шел по знакомым коридорам к машинному залу, катя перед собой небольшую тележку, на которой разместились все мои вещи. Рюкзак и две большие сумки. Одежда, личные вещи и несколько памятных безделушек. Немного – для переселенца в иные миры. Финансами я тоже не обременен. Около двухсот тысяч франков, лежавших на моем счету, превратились в шестнадцать тысяч эю, которые зачислены мне на счет в банке Ордена. Рядом шел Густав, грустно насвистывая какой-то мотивчик. Понимаю, настроение у него – похоронное. Ему светит служебное расследование. Мое состояние описать еще сложнее. Нечто

¹⁶ «Гестапо» (сленг) – собеседование с офицерами безопасности Легиона.

среднее между ощущениями приговоренного к смерти и самоубийцы, стоящего с головой в петле на шатком стуле с подпиленными ножками...

Мы прошли через небольшой зал, где лежали грузы, подготовленные к отправке. Перед входом выстроилось несколько ящиков с надписью «Walter Meier Tool AG, Switzerland».

– Металлообрабатывающие станки, – заметив мой взгляд, объяснил Густав, – правда, в разобранном виде.

– Почему в разобранном? Разве «ворота» нельзя было сделать побольше?

– Конструкция установки не позволяет, – он развел руками, – мы бы с радостью. Новая будет готова через год, не раньше.

– Как же вы автомобили туда отправляете? Патрик говорил, что там даже вертолеты есть.

– Все идет в разобранном виде. А вертолеты там есть, да. Целых два. «Скаут» – для ведения разведки и «Хьюи»¹⁷ – для всего остального. Есть несколько судов для каботажных рейсов и три «Цесны-152».

– Это хорошо, что «птички» есть. Хоть вытащат в случае чего.

– Как бы не так, – ухмыльнулся Густав, – мы их отправляли в виде «конструктора» для больших мальчиков, поэтому над ними трясутся, будто они из чистого золота! Можно сказать, пылинки сдувают. Так что о помощи с воздуха забудьте и не надейтесь. Читал я технические отчеты коллег... Хотя что я вам рассказываю? Скоро сами все увидите!

– Умеете вы успокаивать... Нет бы еще «ворота» построить!

– Есть еще одни. Грузовые. Они побольше размерами, но сейчас на профилактике. У них и скорость отправки выше – можно сказать, на пределе работаем. Живое существо такой нагрузки просто не выдержит. А после «канадской мясорубки», как выразился мистер Бэлл, «ворота» вообще могут на месяц закрыть. Так что ничего не поделаешь: приходится довольствоваться тем, что есть. Кстати, ваше оружие и амуниция уже упакованы. Майкл постарался – еще вчера вечером доставил. Просил передать вам большой привет. При этом довольно ухмылялся, словно ему премию выдали. Что вы у него такого выбрали? Карманный гранатомет или какой-нибудь супербластер, стреляющий криптонитом?¹⁸

– С вашими порядками особо не разгуляешься. За пистолет – и тот пришлось заплатить.

– Экономия средств, – он скорчил довольную мину, – не всем везет так, как вам. Многие переселенцы отправляются в Новый мир вообще без вещей. Можно сказать, с легким сердцем и налегке. Помню, один парень пришел с небольшой сумкой. Знаете, с такой цветастой... Словно не в Новый мир, а на пляж собрался.

– Как же они там существуют?

– Орден выдает им небольшую сумму денег.

– Немного...

– И шанс, – парень поднял указательный палец, – согласитесь, это не так уж мало.

– Согласен...

– Ну вот мы и пришли. – Оператор распахнул передо мной дверь и кивнул на небольшой стол у стены. – Сумки можете оставить здесь. Для досмотра.

– Это еще что за хрень?

– Обычная процедура. – Густав засунул руки в карманы и пожал плечами. – Вдруг у вас там химическое оружие запрятано? Или атомная бомба? Это Новый мир, мистер Нардин, и колонистов берегут как зеницу ока.

– Берегут... – Я вспомнил кровавый инцидент и поморщился. – А недавняя авария?

– Я уже объяснял, – терпеливо повторил он, – это не технический, а нервный срыв.

– Если не ошибаюсь, вы им объясняли правила.

¹⁷ «Скаут» – вертолет MD 500 Scout Defender, «Хьюи» – вертолет Bell UH-1.

¹⁸ Криптонит – вымышленное радиоактивное вещество из комиксов про Супермена.

– Объяснял. И что толку? Переселенцев перед отправкой несколько раз предупреждают, что нельзя дергаться при работе установки. Они думают, мы тут в куклы играем... идиоты! – Густав дернул щекой и выругался.

– Часто?

– Нет. На моей памяти – второй раз.

– Хоть это радует.

– Поль, главное – не вздумайте дергаться. Дышите спокойно и сидите смирно. Понимаю, что страшно видеть, как в зеркале исчезает твое тело, но надо потерпеть. Тем более что это секунд тридцать, не больше. Насчет платформы не беспокойтесь – она другая. Ту, прежнюю, еще долго придется отмывать... Ладно, вы тут подождите, а я пойду узнаю, что у нас сегодня со связью. Бывают дни, когда проход вообще невозможно открыть. Рядом есть небольшая комната. Нечто похожее на зал ожидания. Расслабьтесь, выпейте кофе или виски. В общем, все, что найдете в баре.

Интересная деталь – двери. Здесь они устроены в виде шлюзов. Перемещаться в сторону машинного зала вы можете, а вот вернуться обратно – нет. То есть пройдя в комнату отдыха, вернуться к своим вещам я уже не смогу. Может, и верное решение. Когда Густав ушел, я выгрузил вещи на стол и прошел в следующую комнату. Несколько кресел, диван, столик с журналами и огромное, во всю стену, стекло. За ним был виден уже знакомый мне зал с установкой телепортации и кабинкой оператора, где копался Густав. Я машинально налил себе кофе и присел в кресло. В прошлой жизни мне не так уж часто объясняли, что со мной произойдет через несколько часов. Нам говорили: идите драться, господа, – и мы шли. Не задавая вопросов, не требуя подробностей и объяснений. Нет, мысли отказать не было. Во-первых – поздно. Не думаю, что Орден так легко отпустит человека, который обладает такой информацией. Во-вторых – они все верно рассчитали, и я не откажусь. Почему? Потому что в этом мире нет для меня места. Лишний... Еще один лишний человек на этой земле. Таких, как я, много. По крайней мере, я знаю троих, которые не раздумывая отправятся следом за мной. Кстати, письма для них, как мы и договаривались с Патриком, я написал. Сейчас те находились в ячейке одного коммерческого банка, в центре Сан-Антонио. Если все окажется правдой – парни получат шанс. Шанс начать жизнь сначала...

– Вы готовы, Поль? – в комнату заглянул Густав.

– Да, – я немного поморщился, – вполне.

– Прекрасно. Для проверки канала первым рейсом пойдут несколько контейнеров с животными. Их сейчас готовят – делают инъекции снотворного. Это быстро, так что томиться в ожидании не придется. Потом настанет ваша очередь. Не переживайте, все будет о'кей!

– Совершенно не переживаю.

– Вот и прекрасно...

Я врал. На самом деле меня слегка колотило. Да какое там «слегка»! Нет в этом ничего приятного – сидеть и ждать, когда тебя посадят на тележку и отправят напрямик в зеркало, скрывающее за собой черную дыру. Кто знает, что меня ожидает по ту сторону зазеркалья? Перед глазами встала недавняя картина – размазанные по сиденьям обрывки мяса, клочья одежды и кровь, медленно стекающая с грузовой аппарели. Дьявольщина! Я покосился на Густава, который в этот момент что-то переключал на пульте. Парень, видно, почувствовал мой взгляд – он поднял голову и, усмехнувшись, подмигнул. Я машинально кивнул в ответ и, откинувшись в кресле, закрыл глаза – будь что будет!

Перед глазами мелькали картины из прошлого, словно я смотрел киноленту, посвященную моей жизни. Восемьдесят третий год, палящее солнце Бейрута. Не помню: кажется, это было 23 октября? «Хизбалла» рядом с нашим штабом взорвала две машины. Да, именно двадцать третьего. Воскресенье. Тогда погибло около двухсот американцев и семьдесят четыре француза. От некоторых осталось так мало, что эти останки можно было собрать ложкой в

солдатский котелок. Еще несколько картин... Африка... Вот старина Джузеппе. Он сидит под небольшим навесом, тихо ругает жару и листает какую-то книгу. Неторопливо читает, смахивая с ее страниц песок и сигаретный пепел. Сейчас выплюнет окурочек, поднимет голову и, ухмыльнувшись, спросит: «Сержант, а ты знаешь, откуда произошла твоя фамилия?»

Неожиданно в памяти всплыл Заир. Перед началом той операции мы не спали около полутора суток, и это ожидание выматывало сильнее марш-бросков. Когда утром 19 мая поступил долгожданный приказ, эмоций вообще не осталось. Словно в насмешку, в последний момент перед стартом отказал один из двигателей «Трансаля», и нас, третью роту, запихнули в переполненный «Геркулес», словно норвежскую селедку в бочки. Даже вечно улыбающийся Пеппино и тот перестал скалить зубы и заткнулся. А потом...

– Время. – Я открыл глаза: передо мной стоял Густав. – Время, Польш.

Мы вышли в машинный зал, где находилась тележка с уже хорошо знакомыми пластиковыми креслами. Три из них были заняты – на них лежали мои сумки с вещами и рюкзак. Оружие, которое я выбрал в арсенале, было уложено в продолговатый железный ящик, поставленный в конце платформы.

– Здесь ваши новые документы и пакет, который передадите на той стороне. – Техник подал мне небольшую папку. – Вас уже ждут.

– Хотя где-то меня ждут, – буркнул я и уселся в кресло. Застегнул ремни безопасности, поерзал, устраиваясь поудобнее, словно настраиваясь на долгую дорогу. Следом за мной на платформу взобрался Густав. Проверил ремни и похлопал меня по плечу.

– Сейчас я включу установку. Видите лампочки? Сейчас там горит красная. Как только увидите, что зажглась желтая, – значит, связь установлена. Когда загорится зеленая, то включится сирена и платформа поедет вперед. Задержите дыхание и не нервничайте. В общем – все будет хорошо! Удачи!

21 год по летоисчислению Нового мира.

Шато Нардин

Польш проснулся задолго до рассвета. Словно что-то толкнуло, сметая в пропасть обрывки сновидений и не дающие покоя мысли. Казалось, даже во сне он продолжал обдумывать маршрут, отмечая красными точками опасные отрезки пути. Знакомое чувство. Как и пульсирующая боль в висках, словно метроном, мерно разрезающий время на короткие эпизоды «до» и «после». Так уже бывало, и не один раз, когда впереди ждала работа, требующая не только тщательного планирования, но и (что греха таить!) простого везения. Тихо прийти и так же незаметно вернуться обратно – дело на первый взгляд нетрудное. Но это горы, где нет прямых дорог и коротких путей. Где в чужаков сначала стреляют, а потом спрашивают о цели визита. Горы, где до сих пор с содроганием вспоминают десятый год, когда из-за кровной мести чуть не разгорелась война...

Перед глазами встал план маршрута, над которым Нардин провел не один вечер. Вот она, «точка невозврата». Прорваться через кишлак, находящийся у перевала, можно. С боем или без него, но шансы есть. Дорога назад – вот что самое тяжелое. Другого пути нет... Через перевал только одна тропа, и она под контролем горцев. Дьявол раздери, но кто пятнадцать лет назад мог знать, что мир так разделится? Польш нашупал портсигар, лежащий на тумбочке, и закурил.

Абреки даже здесь, в Новом мире, не изменили своим старым привычкам. Так же торговали наркотиками, грабили и снабжали рабами плантации на Диких островах. Современные невольники – переселенцы, захваченные на дорогах, жители небольших городков и ферм, находящихся в стороне от крупных военных баз. Для людей, живущих в предгорье, разбойные налеты были делом привычным. Правда, это ничего не меняло – нельзя жить в постоянном напряжении, ожидая нападения или выстрела в спину. Польш вспомнил одну командировку,

когда они ошвартовались у небольшого рыбацкого хутора. На воротах были развешаны человеческие кишки, а в доме лежало несколько обезображенных трупов...

За окном стояли предрассветные сумерки. Пора вставать. Дел на сегодня много. Поль поднялся, не спеша принял душ, побрился и спустился на первый этаж. Через кухонное окно, выходящее на веранду, Нардин увидел Карима, разложившего на небольшом столе части винтовки. Алжирец устроился в удобном плетеном кресле и задумчиво смотрел туда, где в темноте прятались горные вершины. Приготовив две чашки кофе, хозяин вышел во двор и молча поставил их на стол. К пряному запаху кофе добавились запах оружейного масла и свежий аромат просыпающейся природы. Букет, достойный внимания парфюмеров.

– Не спится? – покосился на него Карим.

– Да, ноет что-то внутри. Наверное, от старости.

– Знакомо. У меня тоже кости ноют, словно непогоду чувствуют. Или драку.

– Скорее, драку, – кивнул Нардин.

– Ты для этого Никиту с собой берешь?

– В смысле?

– Медведь, мы с тобой не первый год знакомы. Ты всегда рассматривал все возможные варианты. Плохие – в первую очередь.

– Да. Если что – у него должен быть шанс вырваться. Несмотря ни на что. Иначе это бессмысленно. На побережье его прикроют, но до берега надо будет добраться. Он молодой и сильный.

– Понимаю, – Карим задумчиво прищурился, – пожалуй, ты прав.

– Хочешь отказаться от поездки? Я пойму.

– Ты дурак, Медведь! – Мужчина поднял на него карие, почти черные глаза. – Чтобы я пропустил такую вечеринку?! Не дождешься.

– Иначе бы не позвал...

– Иль а'краба у'хт иль-ха'йя¹⁹, – вздохнул алжирец.

Еще полчаса – и над горным хребтом встанет яркий круг солнца, разгоняя серую хмарь прерий. Уже сейчас слышны голоса просыпающихся птиц. Вот одна захлопала крыльями, будто разминаясь после долгого сна. От земли потянуло сыростью...

– Где ты раскопал этот антиквариат? – поежился Поль, рассматривая разобранный винтовку. – Устроил археологические раскопки у ворот Ордена?

– Тоже мне – антиквариат... – спокойно отреагировал его собеседник. – Много ты понимаешь! Для своего времени это был не самый плохой вариант. Тебе с ней послужить уже не довелось?

– Можно сказать, что нет. Эту модель первой получила жандармерия. К нам они попали позже, году в восемьдесят седьмом, и всего несколько штук. Наш *tireur d'élite*²⁰ днями на стрельбище пропадал. По его словам, новая винтовка лучше, чем FRF1, но с «ремингтоном» она и рядом не лежала.

– «Ремингтон», – пробурчал Карим, любовно поглаживая пластиковое ложе, – нашел, с чем сравнивать! FRF2 – это... В общем, она мне дорога. Как память.

– Ну, раз память, – хмыкнул Нардин, – то и держал бы в шкафу. С памятной табличкой на прикладе. «Дарагой памят длия Карым, да продлит Аллах его жызненный пут и усыпет розами...»

– Нафедли навсек²¹, а? – лениво отмахнулся алжирец.

¹⁹ «Скорпион – брат змеи» – аналог русского «два сапога пара» (*арабск. фразеолог.*).

²⁰ элитный стрелок (*фр.*) – хорошо подготовленный стрелок (не путать со снайпером!) в составе подразделения Иностранного легиона.

²¹ Пошел на фиг (*арабск. фразеолог.*).

– Ладно, не обижайся. А если серьезно – где откопал? Я французского оружия в этом мире почти не встречал.

– Один чудак на комиссию сдал.

– Из наших? – дернул бровью Поль.

– Нет, мирный француз из канадского Жонкьера. Что с собой возьмешь?

– Если нарвемся на большую банду абреков, то сколько ни грузи – все равно мало будет.

Кстати, надо бы твою машину глянуть. Набрал, будто на полгода уходим...

– Хорошо, – согласился Карим, – некоторые вещи можно оставить.

Мужчины спустились с веранды во двор, где стоял «лендрровер».

– Что это у тебя такое? – спросил Нардин.

Дно багажного отсека занимал плоский бак (толщиной сантиметров двадцать, не больше), сваренный из нержавеющей стали.

– Запасной, – алжирец хлопнул по нему ладонью, – почти двести литров. Я в Аламо залился под пробку, а потом сам знаешь – один Аллах ведает, где можно застрять.

– Что еще у тебя с собой?

– Поль, будто сам не знаешь, что у меня может быть... – Он заложил руки за ремень и начал перечислять: – Два рюкзака. Один большой, с пожитками, для устройства лагеря, и один – «трехдневка». Дальше рассказывать?

– Рассказывай, конечно. Тебе дай волю – весь дом в джип загрузишь.

– Ты всегда был сторонником аскетизма, Медведь.

– Я за разумный вес. Тем более в рейде. Рассказывай.

– Ящик сухих пайков, канистра с питьевой водой и небольшая солнечная батарея. Из оружия – РПКМ, «снайперка», которую ты видел, и пистолет. К пулемету – четыре «банки» по семьдесят пять патронов и два цинка. Триста патронов для винтовки и двести для «беретты». Еще два «Клеймора» и пять гранат. А ты что возьмешь?

– Пулемет пусть Никита возьмет. Любит он с такими железками играть. Стреляет неплохо.

– И моложе...

– Сам подумай – куда тебе, старому, с грузом и пулеметом по горам бегать?

– Что верно, то верно, – покачал головой мужчина, – не двадцать лет...

– И даже не тридцать. Винтовку, думаю, тоже можешь оставить. «Ремингтон» возьму, так что твоя «память» пусть здесь полежит. В общем, – Поль немного помолчал, – чтобы с патронами не мудрить, возьмем два «калашниковых» под 7,62x39 с подствольниками, твой пулемет и «ремингтон». У тебя два цинка и у меня, в арсенале – четыре. Двести патронов к винтовке. В довесок к «Клейморам» – три МОН-50 и цинк гранат для подствольника. Еще бы «горных» гранат в Рио достать, так было бы совсем хорошо. Ну и личное оружие.

– Опять свой «кольт» из шкафа вытащишь? – ухмыльнулся Карим и поднял указательный палец. – Ах да, забыл! Тоже – «память»... Слушай, оставь дома это «наследие предков»!

– Обойдешься. Я его на две твоих «беретты» не променяю! Значит, с оружием решили?

– Мины – это хорошо, – алжирец огладил бороду. – Уходить громко будем?

– Хотелось бы тихо, но знаешь, как бывает... Тем более – перевал, дьявол его раздери...

Пострелять все равно придется.

– Не впервой...

– Что со связью?

– Как ты просил – в машине стационарная и три переносных, с гарнитурами.

– Ладно, – кивнул Поль, – пока твой брат не приехал, пойду собираться. Буди Никиту, хватит ему спать. И соберите альпинистское снаряжение.

– Придется лезть? – поморщился Карим.

– Невысоко. То есть сначала невысоко, а потом неглубоко.

– Хоть это хорошо, – вздохнул алжирец и ушел в дом.

Через несколько часов во дворе стало шумно. Раздавался гортанный говор, было слышно, как Карим что-то объяснял приехавшим людям. Наверное, правила поведения в Шато Нардин. Страшает небось всеми карами небесными. В комнату вошел Никита и, улыбнувшись, кивнул в сторону веранды.

– Отец, там Карим своего младшего брата по стойке «смирно» строит. А заодно и троих племянников. Он всегда так?

– Карим? – переспросил Поль. – Да, это у него врожденное.

– Интересный он человек. Вроде мусульманин, а абреков ненавидит...

– Просто он правильный мусульманин и Коран внимательно изучал. К тому же вырос во Франции. Отец и дед были легионерами. Это, знаешь ли, накладывает свой отпечаток на семью. Поэтому он и поселился в Кадизе, а не в Джохар-Юрте.

– А русский язык откуда так хорошо знает?

– Его дед служил с русскими. В двадцатых годах их было много в Легионе. Вот старик и заставил внука выучить. Потом, чтобы язык не забыть, Карим часто со мной на русском говорил. Ты уже собрался?

– Да, отец. Осталось личные вещи в машину загрузить.

– Иди, я сейчас приду...

Когда Никита ушел, Поль открыл шкатулку, стоящую на комод, и достал оттуда небольшой, плотно запакованный сверток. Подержал его в руке, словно взвешивая, но, немного подумав, убрал обратно. Рядом лежала простая черно-белая фотография, на которой изображена молодая женщина, сидящая на капоте запыленного джипа. Фотограф поймал удачный момент – ее волосы красиво разметал ветер, а взгляд был задумчивым и немного грустным. Будто она заранее знала все, что произойдет через несколько месяцев. Нардин еще раз посмотрел на фотографию и бережно положил на место. Через несколько секунд он взял рюкзак, стоящий у двери, и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

5 год по летоисчислению Нового мира.

База Ордена по приему переселенцев и грузов

Мерцающее зеркало надвигалось, переливаясь отблесками ртути, в которых проскакивали синие сполохи искр. Словно расплавленное серебро, льющееся нескончаемым потоком на землю. В горле встал ком; еще немного – и я кожей почувствую этот раскаленный металл... Хочется рвануть ремни и выскочить из кресла! Но нет – вместо нестерпимого жара повеяло студеным воздухом, будто распахнули дверь морозильной камеры. Холод... жуткий холод пробежал по моему телу. Теперь я точно знаю, что значит русское выражение «кровь стынет в жилах». Еще несколько секунд – и это ледяное зеркало подошло вплотную к моему лицу. Закрываю глаза и словно опускаю лицо в воду. Стихают звуки сирены, заглушенные ударами сердца, которое бьется так, будто хочет вырваться наружу. Мгновение – даже сквозь закрытые веки чувствую, как в лицо ударяет яркий свет. Полыхнуло горячим воздухом, наполненным незнакомыми, не связанными с памятью запахами. Тележка, лязгнув металлом, остановилась – видимо, ударившись в ограничитель на аппарели. Открываю глаза и вижу коренастого, одетого в полувоенную форму мужчину, стоящего рядом с пандусом. И солнце... Ослепительно-белое солнце, бьющее в большие окна ангара.

– Добро пожаловать на Новую Землю, Поль! Нет, не двигайтесь, я помогу. – Он забрался на тележку и пристально посмотрел на меня. – Как ваше самочувствие?

– Нормальное.

– Не тошнит, голова не кружится? Ноги, руки чувствуете?

– А в чем, собственно, дело?

– Нет, все хорошо, – улыбнулся он, – бывает, что людей немного «переклинивает». По всей видимости – стресс при переходе.

Непослушными пальцами я расстегнул привязные ремни и осмотрелся. Все, что произошло со мной за последние несколько минут, не укладывалось в голову. Улыбающийся Густав, зал, это зеркало – и холод... Даже сейчас меня передернуло.

– Знобит? – улыбнулся мужчина. – Ничего, у нас жарко, быстро согреетесь.

– У вас? – тупо спросил я.

– Ну да, – засмеялся мой собеседник, – вы же в Новом мире, Поль! Еще не верите?

Значит, все же забросили меня в потусторонний мир? На розыгрыш это не похоже. Не думаю, что Орден будет играть в такие игры. Спустился на землю, и, дьявол меня раздери, мои ноги немного подрагивали! Я, как бы это выразиться поточнее, был сбит с толку. Не знаю: может, ожидал увидеть нечто иное. Уж слишком он обыденно выглядел, этот Новый мир...

– Проходите, – мужчина подошел ко мне и показал на дверь в соседнее помещение, – за вещи не беспокойтесь, их отнесут в машину.

Я вошел в светлую комнату, больше похожую на приемный покой в одной из частных клиник, чем на приемную для переселенцев. За высокой конторкой из белого пластика стояла женщина лет тридцати.

– Добрый день. Добро пожаловать в Новый мир. – Она сухо улыбнулась, изобразив одну из дежурных улыбок, и протянула руку. – Ваши документы, пожалуйста...

– Документы?

Дьявол, ведь Густав вручил мне пакет! Хотя женщина могла быть и приветливее. Я уже потянулся к набедренному карману, чтобы достать конверт, но стоящий за моей спиной мужчина сделал шаг вперед.

– В этом нет необходимости, миссис Мадлен, – он предъявил женщине какую-то пластиковую карточку, – это наш человек.

Вот теперь она заулыбалась, эта Мадлен. Можно было подумать, что ее навестил сам генерал де Голль! Захлопала глазами и, ставлю сто франков, еще бы немного – и сделала книксен. Не успела. Мы с моим провожатым прошли в следующую дверь и оказались на улице. Перед дверями стоял запыленный армейский джип с непонятной эмблемой на борту – треугольник с нарисованным внутри глазом.

– Сейчас вернусь, – мужчина кивнул мне на машину, – подождите немного.

Садиться на раскаленное сиденье не хотелось, я вытащил из кармана пачку сигарет, закурил и осмотрелся вокруг. Не знаю, как должен выглядеть Новый мир, но очень похоже на Корсику. Жарой. Не хватало только запаха апельсинов, которым насквозь пропитан остров. Через несколько минут, когда я уже выбрасывал второй окурочок, привезли мои вещи. Загрузили в джип, и, поднимая шлейф пыли, мы выехали за ворота.

– Меня зовут Виктор, – не отвлекаясь от дороги, заявил мужчина, – можно сказать, что мы коллеги. В экспедиции, правда, не хожу, но и здесь есть куда приложить свои умения. Мир занятный, так что скучать не приходится.

– Занятный?

– Когда живешь на Базе, – хохотнул он и хлопнул рукой по рулю. – В общем, что я тебе рассказываю – скоро сам все увидишь!

Смотреть было не на что. Мы ехали как по широкому коридору – по обе стороны возвышались ангары, огороженные забором. Машин не видно, людей тоже. Через несколько минут въехали в жилой сектор и затормозили у невысокого двухэтажного дома.

– Это гостиница для сотрудников, – пояснил Виктор, – несколько дней поживешь здесь. Потом вернется начальство и разберется, куда тебя отправить. Сейчас возьму ключ у консьержа и расскажу, что здесь и как.

Как объяснил Виктор, сейчас мы находимся на центральной Базе по приему переселенцев и грузов Нового мира. Большая ее часть – это службы иммиграционного контроля, грузовые ангары и отдел логистики. Охрана, техники, специалисты по связи, ученые и хозяйственники. Некоторые старожилы (из числа первопроходцев) до сих пор называют это место «шлюзом». Все огорожено высоким проволочным забором, по углам расположены вышки. В двух местах (надо понимать – в самых опасных) заметил несколько дотов с крупнокалиберными пулеметами. Серьезно подготовились, ничего не скажешь.

Пока я затаскивал вещи в комнату, Виктор забрал у меня пакет с документами и куда-то ушел. Гостиничный номер ничем не отличался от своих собратьев в Старом Свете. Безликая мебель, безликие стены. Противомоскитная сетка над кроватью, окно (с видом на площадь) и вентилятор на потолке, разгоняющий душный воздух. Два потертых кресла и журнальный столик с телефоном. Негусто...

Распаковывать сумки желания не было, поэтому я ограничился тем, что принял душ и переоделся в новую, выданную в центре форму. Шестицветный камуфляж, а именно – «шоколадный чип», который недавно принят американскими военными, оказался очень кстати. Удобная, легкая куртка до середины бедра, брюки с набедренными карманами и облегченные берцы. Наряд завершили панама и куфия песочного цвета.

Минут через сорок в комнату вернулся Виктор. Вошел без стука – видно, здесь это не принято. Прищурился, будто увидел меня впервые, и взъерошил светлые, выгоревшие на солнце волосы.

– Устраиваешься?

– Понемногу.

– Вот, – он положил на стол пластиковую карту, – твое удостоверение личности, а заодно и банковская карта. Шевроны на форму. В следующем здании – столовая для сотрудников. Бары и магазинчики – за пределами Базы. Найдешь, если будет желание прогуляться.

На пластиковой карточке, похожей на банковскую кредитку, были моя фотография и имя. «Paul Nardeen». Чуть ниже – «ID number: 1024-0325-3482-0173». В верхней части – широкая красная полоса, надпись «Security Service» и знак, который я видел на джипе. Шевронов было четыре. Два из них (с эмблемой Ордена) пришивались на рукава: один (с моей фамилией) – на грудь с левой стороны, и группа крови – на правую.

– Фамилию, как я понимаю, на слух записывали? – поморщился я.

– А что не так?

– На французском моя фамилия пишется Nardine.

– Американцы, черт бы их побрал, – Виктор взял в руки удостоверение. – Переделать?

– Забудь, – отмахнулся я. – Новый мир – новая фамилия. Тем более что произносится она правильно – Нардин.

– Как скажешь. Часы... – На стол легли электронные часы.

– У меня есть.

– Выброси, – усмехнулся он, – здесь время идет по-другому. Если сравнивать со Старым Светом, то сутки делятся на тридцать стандартных часов, но последний – семьдесят две минуты. И в году у нас четыреста сорок дней.

– Почему?

– Не знаю, – он пожал плечами, – здесь интересная штука получается со временем. Если тебя интересует, спроси у «научников». Они что-то объясняли про спирали и параллельные миры, но я не запомнил. Ладно, это потом. Сейчас – о местных правилах. Во-первых – База, как ты уже, наверное, заметил, огорожена и хорошо охраняется. Оружие на ее территории может быть только у сотрудников Ордена. Так как служба безопасности не входит в систему охраны, твои коллеги носят только пистолеты. Даже если начнется что-то серьезное, добраться до своего арсенала всегда успеешь. За периметром – жилой квартал колонистов. Как правило,

это те, кто первыми прибыл на эту землю. Там оружие есть у всех. Район охраняется пешими патрулями и постами на выезде. Ничего особенного там не найдешь – две-три лавки, открытые предприимчивыми переселенцами, магазин снаряжения, гостиница и несколько баров со шлюхами. Если захочешь туда прогуляться, то мой тебе совет – вооружайся посерьезнее.

– Бывают проблемы?

– Да, – просто ответил он, – бывают. Редко, но перестрелки в барах случаются. Последнее время ведутся разговоры, что надо запретить гражданским носить оружие, но для этого надо создать еще один периметр, чтобы и местные жители были в безопасности.

– Везде запретить? – поморщился я.

– Нет, – засмеялся Виктор, – только здесь. В остальном мире это невозможно. Здесь всего несколько крупных городов, которые более или менее хорошо защищены. А дальше...

– Что дальше?

– Дальше география заканчивается...

– Интересно, – покачал головой я, – с кем же вы здесь воюете?

– С кем придется, Поль. От диких зверей до бандитов. Поверь: и тех и других здесь достаточно. Вот, – он бросил на кровать небольшую папку, – изучай. Информации немного, но хватит, чтобы составить первое впечатление. Ладно, давай я сниму plombу с твоего оружейного ящика и пойду. Боеприпасы получишь через полчаса – оружейник привезет, я его предупредил. Захочешь пообщаться – я живу в соседнем доме, по правую руку. С семи часов вечера буду на месте. Проголодаешься – рядом столовая, где сотрудников кормят бесплатно. Если будут нужны наличные, то банк чуть дальше, завтра покажу. В общем – отдыхай пока...

Когда он удалился, я подошел к окну и раздвинул полоски жалюзи. Обычная военная база, каких я за свою жизнь повидал немало. В ста метрах от дома – ворота. Рядом с ними маячат два человека с автоматами. Небольшой противосолнечный навес, отгороженный от внешнего мира невысоким бруствером из мешков с песком. Неподалеку вышка, где откровенно скучает караульный. Даже не верится, что я в ином мире...

5 год по летоисчислению Нового мира.

База Ордена по приему переселенцев и грузов

Через несколько часов дела были закончены. Патроны мне привез хмурый дежурный, а вычищенное оружие заняло свое место в одном из отделений шкафа, встроенного в стену. Там обнаружился небольшой оружейный сейф... ну хорошо, не сейф; обычный железный ящик. Его замок может открыть булавкой любой мальчишка старше десяти лет. Если он не рос рядом с маминной юбкой, конечно. Булавка мне не потребовалась, – ключ торчал в замке, чем я и воспользовался. Распечатал цинк с патронами для «калашников» и снарядил четыре магазина из десяти. Осмотрю, тогда и решу – может, и остальные надо заполнить. Кто его знает, этот Новый мир – может, здесь только на вид тихо? Из рюкзака достал разгрузку, купленную в оружейном магазине Аламо, и убрал снаряженные магазины в под сумки. В центре мне предлагали взять стандартный армейский жилет, но я отказался. Во-первых – под сумки у него рассчитаны на магазины от М16, а во-вторых – качество не понравилось. Как ни крути, есть вещи, которые наемник всегда покупает сам. В Легионе, несмотря на хорошее обеспечение, мы многое покупали за свои деньги. Особенно сильно это было по карманам снайперов, которые на свои винтовки тратили больше денег, чем на корсиканских красавиц.

Разгрузку я повесил на вешалку у входной двери и занялся винтовкой. Оптику мне подобрали хорошую. Оружейник советовал Vausch&Lomb, но я выбрал десятикратный армейский Leupold-Stewens и, думаю, не пожалею. Патроны для «ремингтона», в количестве двухсот штук, отложил в сторону. Виктор упоминал, что поблизости есть небольшое стрельбище. Надо будет туда прогуляться, чтобы привыкнуть к винтовке и освежить навыки. К пистолету мне выдали пять пачек, то есть двести пятьдесят патронов, производства Magtech Ammunition Co, Inc.

Пули обычные – оболочные, весом 14,9 грамма. Надо будет полюбопытствовать, как здесь со снабжением. Если боеприпасы будут выдавать так же скупно, как и оружие в центре, то дело плохо. Хотя оружейник говорил, что здесь проблем быть не должно. Что касается гранат для подствольника, то за этим придется идти на склад самому. Видно, дежурный поленился тащить лишний вес или рассудил, что новичку будет полезно прогуляться по свежему воздуху.

Ближе к вечеру, когда жара начала спадать, я наконец закончил копаться с вещами и решил, что самое время выглянуть на улицу. В животе уже давно бурчало, напоминая о старой солдатской истине, что война – войной, а обед – по расписанию. Обед я пропустил, поэтому придется соединить его с ужином. Пристегнул к ремню набедренную кобуру с «кольцом», добавил в паучер один запасной магазин и, набросив куртку, вышел из комнаты.

Консьерж, развалившийся за конторкой, листал какой-то журнал с голыми девицами на обложке, изредка бросая взгляд в окно, где у ворот остановилась машина. Водитель о чем-то спорил с охранником, яростно размахивая руками. Все как всегда – обычные армейские будни. Насчет покоя я оказался прав. Несмотря на тишину, в этих местах постреливали, и довольно часто: на стене дома, рядом с входом, заметил несколько пулевых отметин. Сомневаюсь, что это работа местных стрелков.

В просторном зале столовой, где имелось около двадцати столиков, было почти пусто. Лишь за двумя из них, поближе к кондиционеру, сидели люди. За одним – несколько военных. Судя по автоматам и запыленной форме – только что сменившихся с дежурства. За другим – Виктор. Коллега лениво копался в тарелке, иногда бросая взгляд на сочную блондинку, стоящую на раздаче блюд. Судя по всему, здесь принято ужинать в городе. Я взял поднос, выбрал себе отбивную с картофельным салатом, овощное рагу и несколько стаканов сока. Порции, надо отдать должное, были приличными, так что похудеть мне не светит. Блондинка лениво улыбнулась, и я отправился к столику.

– Присаживайся, – Виктор кивнул мне на стул, – отдохнул?

– Было бы с чего отдыхать...

– Ничего, послезавтра вернется наш начальник – и поверь, скучать не придется. Для начала прогуляешься несколько раз в Порто-Франко, осмотришься, а потом зарядят куда-нибудь в экспедицию, к черту на кулички, и будешь радоваться, когда увидишь смазливую девицу.

– А что, с этим здесь проблемы?

– Здесь, на Базе – нет, не проблема. В жилом квартале есть несколько баров, где всегда крутятся с десяток шлюх. А вот в экспедициях с этим туго. Разве что на поселение набредете, где окажется свободная бабенка или замужняя фермерша, у которой муж пашет с утра до ночи, забыв, что рядом есть что-то теплое.

– А ферм много?

– Нет, пока что не очень. Орден всячески поощряет фермеров, но это мало помогает. Техники не хватает. Видел, наверное – все идет в разобранном виде, а это лишнее время на сборку. «Научники» уже год как обещают запустить новый большой «шлюз», но что-то у них не получается, – Виктор поморщился. – Зато рыбацких деревушек на побережье хватает. В Виго не успевают лодки собирать – для желающих рвануть на поиски своего счастья. От небольших яхт до катеров и рыбацких лодок. Целыми караванами уходят вдоль берега. Одно время думали баржи собирать, но не пошло.

– Да, Патрик мне говорил, что здесь уже немало народу, – кивнул я.

– Патрик ему говорил! – фыркнул Виктор. – Можно подумать, он знает, что здесь творится! Орден может быть уверенным лишь в количестве жителей, которые крутятся в городах или крупных поселках. Если быть честным, то никто точно не знает, сколько в этом мире сейчас людей. По статистике, около четырехсот двадцати тысяч, но сколько из них уже погибло – никто не скажет. Дай бог, если оставшихся наберется триста тысяч. Я думаю, что не больше

двухсот пятидесяти. И надо заметить, что не все они – законопослушные граждане. Хватает здесь и отребья. Иногда такие заварушки бывают, что даже тут, на Базе, жарко становится. Например, месяц назад у нас попытались разграбить подготовленный к отправке груз. Ночью. Банда – человек сорок. Весело было... Еле отбились. Поэтому здесь так ценятся люди с твоим опытом. Кстати, я получил телеграмму от Патрика. Он просил тебя не забывать про письма, лежащие в банковской ячейке. Что ему ответить?

– Скажи, что я не забыл, но еще слишком рано. Мне надо осмотреться.

– Понимаю, – кивнул Виктор, – поэтому и не тороплю с ответом. Папку, которую я тебе принес, еще не изучал?

– Нет. Вечером посмотрю.

– Посмотри. Там есть нечто похожее на карту. Отпадет много вопросов.

Пока мы разговаривали, в зал вошел еще один человек. Высокий, дочерна загорелый, широкоплечий мужчина. Загар подчеркивали длинные седые волосы, забранные в конский хвост. Лет сорока с небольшим, но в хорошей физической форме. Присутствовал небольшой животик, однако в меру. Закатанные рукава выгоревшей на солнце рубашки, потрепанные синие джинсы и шляпа, сбитая на затылок. Эдакий образ техасца, каким его любят изображать на карикатурах. Разве что застрявшей в волосах соломы не видно. Судя по всему, он был здорово пьян.

– Черт бы его побрал! – скривился Виктор.

– Кто это?

– Легенда Нового мира.

– А поточнее?

– Джек Чамберс. Сумасшедший ученый, который первым отправился в поход между мирами. Можно сказать – единственный из первопроходцев, кто не изменил своей мечте.

– Мечте? Какой именно? – поинтересовался я. – Напиваться каждый день?

– Изучать Новый мир. Его коллеги, прибывшие после него, давно уже забросили кочевую жизнь и предпочитают отсиживаться в теплых кабинетах и лабораториях, нежели бродить с рюкзаком за плечами. А Джек – нет, до сих пор ходит в экспедиции. У него за плечами около десяти походов, а это кое-что значит. Статистика, блин.

– А что с ней не так?

– Все так, – Виктор ушел от ответа и вернулся к «пьяной Легенде». – Знаешь, есть такая порода людей. Непоседа, бабник и вечная головная боль начальства. Никогда не можешь знать заранее, что придумает, когда напьется.

– Сильно пьет?

– Нет, – Виктор пожал плечами, – на Базе, можно сказать, сухой закон, но на него – как бы выразиться поточнее – это правило не распространяется. Чамберс неделю назад вернулся из рейда, где пробыл почти полгода, и, как видишь, немного расслабляется. Потом отойдет, проспится и начнет готовиться к новому походу. Не дай тебе бог попасть в его команду. Не советую.

– Почему?

– Умудряется влезать в самые гиблые места. Хотя, если рассудить здраво, его начальство за это и ценит.

– Привет, Виктор! – Джек пьяно отсалютовал нашему столику и остановился, словно не мог решить, что делать дальше. Он демонстративно засунул руки в карманы своих сильно потрепанных джинсов и стоял, покачиваясь на каблуках. – Смотри ты мне...

Я даже головой покачал – настоящий ковбой! На ногах у него были невысокие сапоги из какой-то странной кожи, похожей на крокодилю. Несколько минут он осматривал зал, потом подмигнул официантке и решительно двинулся в нашу сторону.

– Ну что, инквизитор? Все жиреешь? – Он посмотрел на Виктора, потом перевел взгляд на меня и скривился в презрительной ухмылке. – А это у нас кто? Орден доставил свежее «мясо»? Ну-ну... Добро пожаловать на Землю лишних, сынок. Тебе что, не хватало приключений в Старом Свете?

– Охолони, папаша. – Я спокойно допил сок и поставил стакан на стол. – Не надо грубить людям, пока тебя не трогают.

– Не связывайся с ним, – тихо сказал Виктор и покачал головой, – не стоит.

Судя по всему, Чамберс успокаиваться не собирался. Было очевидно, что ему просто нужна разрядка. Нет, я не против драк, скорее – даже наоборот, но мне не хотелось трогать этого пьяного придурка, кем бы он ни был – местной легендой или обычным бездельником.

– Тьфу ты... – он икнул и закончил: – какие мы нежные. А что ты видел в жизни, сынок?

Все пьяные люди одинаковы. Одни будут дышать тебе в лицо перегаром и сетовать на свою горькую судьбу, а другие попытаются тебе объяснить, что ты – никчемная тварь, ничего не видевшая в жизни. И одним и другим надо одно – общение. Пусть даже оно закончится полученным ударом в челюсть.

– Ну, – он тяжело оперся на стол, – скажи! Скажи мне, старому Джеку Чамберсу, какого хрена ты приперся в этот долбаный мир? Чтобы жрать вот эту консервированную гадость – он кивнул на тарелки, – и щупать девок в борделях?

– Когда будет нужен исповедник, я сообщу заранее, – медленно сказал я, – в письменном виде. Тебя устроит такой ответ?

– Сдается, что этот парень мне грубит, – обращаясь к Виктору, покачал головой Джек.

Может, он и успел бы ударить, этот Джек Чамберс. Руки у него длинные, и хмель на координацию не повлиял. Но первый удар я отбил, не вставая, – просто отвел руку в сторону и поднялся со стула. Надо отдать должное – Легенда Нового мира равновесия не потерял, хоть и бил, нависнув на столиком.

– Смотри ты мне, – он качнул головой, – быстрый...

– Перестань, Джек, – Виктор попытался утихомирить бойца.

– Отвянь! – отрезал Чамберс и, потирая руки, двинулся в обход стола. – Ну что, сынок, ты ведь потянешься за своей страшной пушкой, а? Давай, покажи старине Джеку, какой ты крутой ганфайтер!

5 год по летоисчислению Нового мира.

База Ордена по приему переселенцев и грузов

В зале стало тихо. Даже военные, обсуждавшие какую-то красотку Сью, и те притихли. Понимаю – развлечений на Базе немного, а тут Чамберс устроит выволочку новенькому! Хорошая тема для разговоров. Неделю будут обсуждать на постах, смакуя мелочи. Нет, парни, извините, но этого удовольствия я вам не доставлю...

Двигался Джек хорошо, даже для трезвого. Мягко, неторопливо. Могучий мужик, это сразу видно. Силен той правильной силой, которая достигается тяжелой физической работой. Если разгуляется, то впору сравнивать с атакующим танком. Массой задавит. В этом его сила. И слабость. Ничего, мне приходилось иметь дело с такими здоровяками. На Корсике легионеров никогда не любили, так что потасовки в барах случались частенько.

Джек знал себе цену, это было заметно. Уверенно сделал шаг в мою сторону, а потом резко рванул вперед, чтобы меня схватить. Как бы не так! Я шагнул влево, уходя от захвата, и пробил короткий удар ногой в колено. Почему налево? Давно заметил, что правше труднее развернуться в правую сторону. Удар пришелся аккуратно под коленную чашечку. Да, это больно и неприятно. Будь у него нога выпрямлена, был бы реальный шанс сразу закончить драку. Судя по скривившемуся лицу Чамберса, ему тоже не понравилось, но он попытался ухватить меня правой рукой. Куд-д-да руки тянешь! Почти невидимый блок, захват и два резких удара – по

почкам и в позвоночник, уходя ему за спину. Р-ра-аз! С такими нельзя лезть в клинч – задавят массой, а потом с удовольствием будут бить своими пудовыми кулаками. Неторопливо, с чувством и с расстановкой. Чтобы запомнил. Поэтому и захваты в таких схватках – короткие, почти незаметные. Даже на блоки здесь времени нет – бить надо на опережение, через удар. И двигаться, двигаться, не останавливаться ни на секунду! Чамберс резко развернулся и попытался меня достать широким свингом. Уйти-то я ушел, но его кулаки пролетели с такой мощью, что задень – вырубил бы сразу. Дьявол! Тут я совершил ошибку. Провел финт слева, вызывая Джека на удар. Он попался на удочку, ответив мне встречным в лицо. Уклон – и апперкотом в челюсть! И р-р-аз! Вот он меня и поймал, влепив от души в голову. Повезло, что удар пришелся вскользь. Несмотря на эту «удачу», ощутимо зазвенело в ушах. Я даже головой потряс, чтобы сбросить неприятное ощущение. Чамберс не остановился и, схватив меня за куртку, швырнул на соседний столик. Как нашкодившего котенка. Грохот в пустом зале был такой, будто уронили десяток пустых кастрюль на кафельный пол. Дьявольщина! Я больно приложился боком о сломавшийся подо мной стол, но успел перекатиться и встать. Ну и здоровый он мужик, ей-богу!

Чамберс пинком отбросил в сторону попавшийся ему под ноги стул и пошел на меня. Челюстью двигает – видно, ему тоже нехило прилетело. Пора с ним заканчивать, с Легендой Новой Земли! Даже если придется немного покалечить. Хватит. И тут он промахнулся. Желание меня добить подвело. Он с такой силой нанес левый свинг, что его развернуло. И я не пропустил этот шанс!

Человека можно отправить в нокаут по-разному. Одни не держат ударов в подбородок, другие – в челюсть. Главное – подгадать момент встречного удара, когда противник расслабляется. Да и удар, за счет его движения навстречу, получается сильнее. Джек нарвался именно на такой. Хороший удар в скулу. Он даже не остановился, двигаясь мне навстречу. Как шел – так и рухнул, словно подрубленное дерево. Я сделал несколько шагов назад и вытер тыльной стороной ладони кровь с разбитой брови. Ну он и боров, этот Джек... Чамберс... Легенда, блин...

Зрители молча стояли у стены, один из них даже стакан сока успел прихватить со стола, прежде чем я на тот стол рухнул. Официантка притихла у стойки бара, прикрыв пухлой ладошкой ярко накрашенные губы. В общем – все тихо и мирно. Даже слишком. Я перевел дух и оглянулся. Особых разрушений нет – сломали один столик и несколько стульев. Хлипкая у них мебель...

На следующее утро, когда я рассматривал свою физиономию в зеркале, позвонил Виктор и попросил к нему зайти. Как выяснилось, его рабочий кабинет находится неподалеку, поэтому личный транспорт мне не понадобится. Да и откуда ему взяться, этому личному? Я еще вчера заметил, что машин здесь немного. Армейские джипы, грузовики и пикапы – вот самый распространенный транспорт. Ладно, прогуляюсь пешочком в местное «гестапо». Все равно разговор «с внушением» неизбежен. Правда, не я начал драку, так что нотаций достанется меньше, чем моему вчерашнему визави. С другой стороны, если верить тому же Виктору, то мистеру Чамберсу вообще ничего не грозит – за совершенные им подвиги у него пожизненное отпущение грехов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.